

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

ЖИВЫЕ

ФАКЕЛЫ

Алексей Макеев
Живые факелы

«Научная книга»

2014

Макеев А. В.

Живые факелы / А. В. Макеев — «Научная книга», 2014

В провинциальном городе Дыбнинске вспыхнула эпидемия неизвестной болезни, от которой в течение нескольких дней погибло сорок шесть человек. Все жертвы – мужчины в возрасте от 19 до 55 лет. Происшествием заинтересовались в Федеральной службе безопасности. Из Москвы в Дыбнинск срочно приезжают агенты Данила Болдин и Мария Калиновская. С вокзала они сразу отправляются в городской морг – осмотреть тела погибших. Увиденное повергает бывалых оперативников в шок. Кожа всех жертв «окрашена» во все цвета радуги, и причину этого явления медики объяснить не могут...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Макеев

Живые факелы

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

«...– Оставайтесь с нами на радиоволне Дыбнинска. А сейчас о погоде. Какой прогноз на этот жаркий июльский день? Все население города ждет, когда же в наши широты придет долгожданный дождь, но, увы, синоптикам порадовать нас пока нечем. Завтра, восемнадцатого июля, температура воздуха днем плюс тридцать восемь градусов. Небо ясное, и по-прежнему без осадков. Как утверждает статистика, нынешнее лето самое жаркое за последние двадцать лет. Изменится ли ситуация в ближайшие дни? И чем грозят городу столь аномальные температуры? Специально для вас в эфире специалист по аномальным погодным явлениям, профессор кафедры геоэкологии и природопользования географического факультета Дыбнинского государственного университета Анохин Иван Николаевич. Добрый день, Иван Николаевич. Радиослушатели хотят знать: стала ли экстремальная погода последних дней следствием глобального потепления?»

– Добрый день. Не могу не согласиться со статистикой. Высокая температура воздуха, которая на протяжении вот уже двадцати восьми дней стабильно держится на отметке тридцать шесть – тридцать восемь градусов, действительно является аномальной для нашего региона. Такое повышение температуры отмечалось лишь дважды...»

Дежурный охранник городской больницы номер два выключил радио. Двенадцать часов пополудни. Слушать научную белиберду в удушающей жаре микроскопической комнаты пропускного пункта было выше его сил. Невыносимо хотелось пить. Охранник заглянул в холодильник. Как назло, все запасы воды истощились. «И как это меня угораздило за четыре часа выпить почти четыре литра?» – подумал он.

В этот момент у ворот завизжали тормоза подъехавшей машины. Охранник выглянул в окно, желая посмотреть на лихача, и вдруг услышал:

– Помогите, помогите! Сюда, скорее!!! Да помогите же кто-нибудь!!!

Молодая женщина, выскочившая из машины, мчалась к пропускному пункту. Он выглянул из будки и вяло поинтересовался:

– Что случилось, гражданочка?

– Врача! Срочно врача! Моему мужу плохо, – хватая его за рукав рубашки, взмолилась женщина.

– Успокойтесь, гражданочка, тут всем плохо, на то она и больница. Сейчас вызову вам врача. Да отпустите вы мой рукав! – силился вырваться из цепких рук женщины охранник. – Возвращайтесь к мужу и ждите.

– Быстрее, прошу вас, – поторопила она и наконец отпустила его.

– Надо быстрее, идите сами. Третий корпус, приемное отделение. Ваш муж в состоянии передвигаться самостоятельно?

– Не знаю! Я не уверена.

– Ну до машины-то он сам добрался? – пробурчал охранник.

– С трудом. Я ему помогала. У него озноб, температура высокая.

– Поступим так: я вызову санитаров с каталкой, а вы идите им навстречу. Так оно быстрее получится, – желая поскорее избавиться от присутствия взволнованной особы, предложил он.

Женщина послушно побежала к машине, а охранник зашел в будку и по селектору связался с приемным покоем.

– Привет, Васильна, тут у центрального входа посетительница нервная, врача требует. Ты санитаров с каталкой пришли, заодно предупреди там кого следует. – Выслушав ответ, он посмотрел в окно и добавил: – Поторопись, Васильна, похоже, мужику совсем плохо.

Отключив связь, охранник вышел на крыльцо, раздумывая, предложить ли помощь молодой женщине или предоставить возможность справиться самостоятельно. Пока он размыш-

лял, женщина пыталась уговорить мужа выйти из машины. Судя по всему, получалось у нее не слишком ловко. То ли мужик ее сопротивлялся, то ли и вправду идти не мог.

– Чего дебоширишь? – произнес охранник, приближаясь к машине. – Супруга твоя добра тебе желает. Вот и в больницу привезла. Давай, дружок, выходи. Сейчас санитары подспеют.

Он заглянул в салон автомобиля и в ужасе отшатнулся, натолкнувшись на взгляд мужчины. Его глаза не выражали ничего, но не это напугало охранника. Белки глаз, вместо своего обычного цвета, были ярко-фиолетовыми, точно перезрелая слива. Желание помогать мгновенно пропало. «Еще заразу какую подхватишь», – оправдываясь перед самим собой, подумал он и поспешил к своему посту, выглядывая санитаров.

Тем временем женщине каким-то чудом удалось вытащить мужа из салона. Перекинув руку через плечо, она поволокла его к шлагбауму, перегораживающему въезд на больничную территорию. Каждый шаг давался ей с большим трудом. Муж мешком повис у нее на плечах, не в силах сделать и шага самостоятельно. Пожалев женщину, охранник подхватил-таки его с другой стороны, приговаривая:

– Сюда, правее. В калиточку-то оно сподручнее будет.

Вдвоем они кое-как дотащили мужчину до калитки. Боком втиснувшись в узкий проем, охранник втянул его за собой и в сердцах выругался:

– Ну и тяжелый, зараза! Вы что, его свинцом набили, что ли?

Женщина не отреагировала на выпад. Тихим шепотом она уговаривала то ли его, то ли себя:

– Ничего, все будет хорошо. Осталось совсем чуть-чуть.

На дорожке, ведущей к центральному входу, показались санитары. Охранник призывно помахал им рукой, а мужчина, минуту назад безвольно висевший на его плечах, закричал и начал вырываться.

Какой-то малыш, проходящий с матерью мимо кованого забора больницы, вдруг громко воскликнул, указывая на него пальцем:

– Мама, смотри, на дяде радуга! Я тоже хочу радугу!

Мать бросила взгляд за забор, громко охнула и, схватив в охапку малыша, помчалась прочь. Охранник тоже посмотрел на мужчину и невольно ослабил хватку. Тот воспользовался внезапной свободой, рванулся из последних сил и, сделав два неверных шага, рухнул на асфальт. Тело его сотрясали конвульсии. Кожа ежесекундно меняла цвет, переходя от ярко-красного к зеленовато-коричневому, затем становилась лимонно-желтой, а через мгновение превращалась в лиловый. Казалось, процесс этот будет длиться вечно. И подбежавшие санитары, и охранник, и даже молодая женщина, которая привезла странного пациента, замерли в немом молчании не в силах оторвать взгляд от происходящего.

Первой очнулась женщина. Она бросилась к мужу, на ходу напускаясь на санитаров:

– Чего же вы стоите, не видите, ему совсем плохо! Скорее врача! Ну же, поторапливайтесь!

Санитары подхватили извивающееся тело, уложили на каталку и быстро покатали к зданию больницы. Женщина бежала рядом, держа мужа за руку. Охранник остался один посреди дороги, не в силах сдвинуться с места.

Вкатив тележку в приемный покой, один из санитаров закричал во все горло:

– Скорее, Соболева сюда! У нас человек умирает!

На его крик из ординаторской выскочил молодой врач. Подбежав к санитарам, взглянул на больного и присвистнул:

– Его что, краской облили?

– Хорош зубоскалить, Соболев, – в панике заорал второй санитар. – В реанимацию, срочно, мужик кончается!

Услышав последние слова, женщина выпустила руку мужа и упала в обморок, но санитары даже внимания на это не обратили. Подгоняя Соболева, они покатали каталку в реанимационную палату. До Соболева наконец дошло, что санитары не шутят.

– Васильна, подмогу вызывай, один я не справлюсь, – крикнул он и скрылся в операционной.

Дэн медленно двигался по ярко освещенному коридору, размышляя, для чего так срочно понадобился Боссу. Не прошло и суток, как он успешно завершил очередное дело, и вполне законно рассчитывал на заслуженную передышку. Но в понятия Босса не входил такой простой термин, как «выходной». Не говоря уж об отпуске. Полчаса назад секретарша Босса связалась с Дэном и передала приказ: срочно прибыть в Отдел. Готовность номер один. Для Дэна это означало, что о тихом скромном ужине у экрана телевизора можно забыть. Прощай, свиная отбивная, приправленная шафрановым соусом! Прощай, научно-популярный сериал «Как устроена Вселенная»! Прощай, тишина и покой холостяцкой квартиры! Что ожидает Дэна вместо этих скромных радостей жизни?

Собираясь в Отдел, Дэн оделся по-походному и прихватил с собой неизменную спортивную сумку с самым необходимым. Раз уж объявили готовность номер один, заехать домой для того, чтобы собраться и переодеться, возможности не будет. Перед кабинетом Босса он приостановился, в последний раз вдохнул воздух свободы и, громко постучав, толкнул дверь.

– Вызывали? – кивком головы здороваясь с хозяином кабинета, задал Дэн риторический вопрос.

– Ты опоздал на полторы минуты, – вместо приветствия проворчал Босс. – Проблемы с передвижением? Быть может, мы поторопились, и тебе удобнее пользоваться общественным транспортом?

Он намекал на новенький «БМВ», совсем недавно выделенный Дэну от хозяйских щедрот. В вопросах времени Босс был щепетилен до безобразия. Любое нарушение временных рамок приводило его в бешенство, а любимой поговоркой была: «Порядок бережет время». Об отношении Босса к своему и чужому времени в Отделе ходили целые легенды, но Дэн считал, что это всего-навсего бзик человека, наделенного неограниченной властью. Хотя относился к этому бзику с уважением, стараясь не опаздывать и «не будить лихо». Вот и сейчас, не ощущая за собой какой-либо вины, но желая успокоить Босса, Дэн отчитался:

– Звонок о прибытии получил в одиннадцать сорок. На сборы – четыре с половиной минуты. Дорога – двадцать две минуты при скорости восемьдесят. Парковка – две с половиной минуты. Подъем на этаж – еще две с половиной минуты. Лифт не работает. Итого: тридцать одна минута и тридцать секунд. Сейчас двенадцать часов двенадцать минут. Полминуты на разговор.

– Объяснения принимаются. Лифт я не учел, – одними глазами улыбнулся Босс. – Присаживайся, Данила, разговор будет долгим.

Бросив сумку в угол, Дэн уселся в кресло напротив карты, занимающей две трети стены. Сенсорный экран мерцал синим светом, указывая на то, что данное чудо техники готово к использованию. По опыту он знал, что все мало-мальски серьезные беседы Босс начинал с изучения местности, в которой агентам предстояло работать. Устремив взгляд на экран, Дэн приготовился слушать. Обойдя стол, Босс приблизился к карте, ткнул в нужную точку и принялся вводить его в курс дела.

– Видишь этот городок? Местечко на первый взгляд ничем не примечательное. Рядовой административный центр с населением чуть меньше двухсот тысяч. Выживает городок за счет энергетической и электротехнической промышленности. Хотя в нем имеется и ряд других конкурентоспособных предприятий. Расположен городок в равнинной, местами заболоченной местности. Через него проходит условная граница зоны смешанных лесов и тайги. Но это так,

к сведению. Главная проблема, как ты можешь видеть, в близости к столице. Вот эта-то близость, в свете происходящих в городке событий, и тревожит вышестоящие чины.

Босс сделал паузу, ожидая комментариев или вопросов со стороны Дэна, но тот предусмотрительно молчал. Одобрительно кивнув, Босс продолжил повествование. Одним движением увеличив масштаб карты, он обозначил проблемный район красным цветом и сообщил:

– За последние сутки в этом районе зафиксировано более тридцати обращений граждан в восемь медицинских учреждений с идентичными симптомами. Этиологию заболевания не удалось установить ни в одном из них. Между тем симптомы впечатляют. В первую очередь повышается температура, причем граничит она с предельной для жизнеобеспечения. Состояние больного сопровождается судорогами, лихорадкой, в отдельных случаях – бредом. Пока ничего необычного, верно?

По опыту Дэн знал, что самое существенное, то, ради чего его, Дэна, вызвали в этот кабинет, Босс оставит на десерт. Тактика у него такая. Начнет рассказывать про леса хвойные, про заводы да про фабрики, а потом – бац, и выдаст такое, что не только в Большой советской энциклопедии не найдешь, а и в брукгаузской не сыщешь. А она, между прочим, хранит истории, собранные более чем за двести лет. И каждый раз самое интересное начиналось как раз после заверений Босса, что пока, мол, ничего необычного. Поэтому Дэн внутренне подобрался, готовый услышать нечто экстраординарное. «Дальше, дальше-то что?» – мысленно подгонял он Босса. Словно прочитав эти мысли, Босс продолжил, пристально глядя на своего подчиненного:

– А дальше вот что: каждый из тех, кто обратился за медицинской помощью, умер до того, как его успел осмотреть врач. И еще один интересный факт. Кожный покров всех пострадавших был расцвечен всеми красками цветового спектра.

– Что показало вскрытие? – выдал свою заинтересованность Дэн.

– А вот этот вопрос вы будете выяснять на месте. Впрочем, как и другие вопросы, которые у вас непременно возникнут, – отчеканил Босс, удовлетворенный интересом, появившимся в глазах Дэна.

– Вы собираетесь поручить это дело нам с Сегментом? – взволновался Дэн. – Но, пожалуйста, ведь он...

Договорить Босс не дал.

– Отставить клички! – энергично взмахнул он рукой. – Здесь вам не пивная, чтобы уважаемых людей принижать до уровня дворовых собак. Но вопрос твой имеет под собой почву, с этим я спорить не стану. По поводу твоего напарника, Сергея Менторова, вопрос уже решен, и ты не хуже меня знаешь, что в Отделе для него работы больше нет. Последнее медицинское обследование подтвердило диагноз. Опухоль растет и сдавать свои позиции не собирается. Сергею необходим серьезный курс лечения. Как долго продлится лечение – неизвестно. Да и впоследствии возможность его использования как полноценного работника весьма сомнительна. Ты не хуже меня знаешь правила.

– Тогда что вы имели в виду, говоря это свое «вы»? – насторожился Дэн.

– Говоря «вы», я имел в виду твоего нового напарника, с которым тебе с этого дня предстоит работать. Не скрою, агент молодой, неопытный. Из нового пополнения. Но, надеюсь, для тебя это проблемой не будет. Ты со своим опытом, она со своей интуицией, думаю, прекрасно сработаетесь.

– Она?! Вы сказали, «она»? – не веря своим ушам, переспросил Дэн. – Нет, только не это! Послушайте, я ведь неплохо справлялся один, пока Сегмент отлеживался в госпитале. Взять хотя бы последнее задание. Ведь я же справился! И справился в одиночку! Так зачем же мне этот балласт в виде непонятно откуда взявшейся барышни?

– Отставить пререкания! С каких это пор в МОЕМ кабинете установлено новое правило, позволяющее сотрудникам Отдела оспаривать МОИ решения? – вкрадчиво, почти шепотом,

проговорил Босс. – Судя по вашей реакции, МОЕ мнение о ВАШИХ гениальных способностях не столь высоко, как ваше. Или мне напомнить вам о том, что случается с агентами, начинающими переоценивать собственное значение при выполнении ОБЩЕГО дела? Загляните на досуге в медицинский справочник и почитайте симптоматику такого милого термина, как «мания величия». Настоятельно рекомендую.

«Стоп, Данила, задний ход! Вкрадчивый голос, обращение на «вы». Ты, парень, явно перешел границы дозволенного, – осадил сам себя Дэн, – так и с работы вылететь недолго. И уж кому, как не тебе, знать: Босс своих решений не меняет. А все потому, что каждое решение вынашивает, как хорошая мать долгожданного младенца».

Еще одним уникальным свойством Босса было умение улавливать малейшие изменения настроения и мыслей своих подчиненных. Эта его способность действовать как рентген, ультразвук и детектор лжи в одном флаконе была еще одной темой для нескончаемых историй о «Легендарном Боссе», переходящих из уст в уста во все времена существования Отдела.

Вот и сейчас, для того чтобы понять, какой эффект произвели его слова на агента, ему хватило всего лишь взгляда. Удовлетворенный реакцией Дэна, Босс сказал спокойно, уже чисто для проформы:

– Значит так, Данила, ты правила наши знаешь: либо работаешь в паре, либо не работаешь совсем. Выбирай. У тебя ровно четыре минуты.

– Почему не пять? – попытался разрядить обстановку Дэн.

– Потому что минуту ты уже потерял, заставив меня объяснять тебе прописные истины! – вновь повышая голос, произнес Босс.

После этого в кабинете повисло тягостное молчание. «Хоть бы муха зажужжала! И как это у него получается? Вроде и выбор дал, а сразу понятно, что выбора никакого и нет», – вздыхая, подумал Дэн. Но мух в кабинете Босса отродясь не водилось, и помощи ждать было неоткуда. На исходе четвертой минуты в дверь кабинета постучали. Босс выразительно взглянул на Дэна и громко произнес:

– Входите, не заперто!

Дверь приоткрылась, и в кабинет вплыла симпатичная особа. «Фигурка, что надо!» – отметил про себя Дэн.

– Я не опоздала? Секретарь назначила на двенадцать пятьдесят, – отрапортовала она.

– Заходите, Мария, вы пришли вовремя, – взглянув на часы, ответил Босс.

«Так вот почему четыре минуты! – сообразил Дэн. – Ну, Босс, ну, хитрец! Просчитал все до секунды!» Он восхищенно взглянул на Босса, а тот, крякнув в кулак, представил посетительницу:

– Познакомься, Данила, твоя новая напарница, Мария. Суть дела тебе ясна? Вот и прекрасно. Выдвигаетесь немедленно. По дороге введешь напарницу в курс дела. Все подробности здесь, – протянул он пластиковую папку. – Надеюсь, вы сработаетесь. – И тут же уселся на свое место, раскрыл объемный журнал, густо исписанный мелким почерком, недвусмысленно давая понять, что аудиенция на этом окончена.

Симпатичная особа удивленно переводила взгляд с пожилого мужчины на молодого, не зная, как следует себя вести в подобной ситуации. Дэн поднялся со своего места, подхватил спортивную сумку, сиротливо лежащую в углу, и скомандовал:

– Пойдем, время не терпит.

После этого, не оборачиваясь, покинул кабинет. Спустя несколько минут он удовлетворенно улыбнулся, услышав за спиной торопливый перестук каблучков. Мария безропотно следовала за ним.

Лифт по-прежнему не работал. «Лучше б в Отделе порядок навел», – подумал про себя Дэн, направляясь к лестнице. Перескакивая сразу через несколько ступенек, он помчался вниз, не особо заботясь о том, успевают ли за ним его новая напарница. «Ничего. В следующий раз

будет думать, прежде чем каблуки напяливать. Ей тут не подиум, красоваться не перед кем», – ворчал он про себя. Да и как было не ворчать. Подставил его Босс, перед всем Отделом подставил! За всю историю существования Отдела не было прецедента, чтобы агентом назначали какую-то сопливую девчонку, по крайней мере Дэн о таком ни разу не слышал. Естественно, в штате Отдела работали женщины, но они занимались вполне подходящим для их пола делом – бумажной конторской работой, на которую у мужчин не хватает ни времени, ни терпения, ни желания. А тут, на тебе, агент! И что прикажете с ней делать? Пинеточки для младенцев вязать или дамские журналы рассматривать?

Оказавшись на парковке, Дэн уселся за руль, завел мотор и, не дожидаясь появления напарницы, выехал со стоянки. Мария появилась в дверях в тот момент, когда он уже вырывал на центральную дорогу. Остановилась на крыльце, сложила руку козырьком, загораживая глаза от слепящего солнечного света, и высматривала его. Притормозив, он посигналил и махнул ей рукой. Уезжать без напарницы Дэн не собирался. Босс, конечно, мужик мировой, но своеволия не одобряет, а ссориться с ним было не в интересах Дэна. Мария поспешила к автомобилю. Перегнувшись через спинку кресла, он распахнул заднюю дверь, давая понять, что на переднем сиденье ему попутчица не нужна. Остановившись возле машины, Мария многозначительно взглянула на него, игнорируя открытую дверь, прошла мимо и уселась там, где ее не ждали. Демонстративно хлопнув дверью, она скомандовала:

– Можем ехать!

«А девушка-то с характером, – подумал Дэн. – Ну-ну, посмотрим, кто кого!» Выйдя из машины, он аккуратно закрыл заднюю дверь, вернулся на водительское место, не говоря ни слова, завел мотор и поехал к выезду из города.

Минут десять ехали молча. Первой не выдержала Мария. Покосившись в сторону Дэна, она заявила, ни к кому не обращаясь:

– Нужно заскочить ко мне домой. Переодеться и собрать вещи.

– Исключено, – отрезал Дэн.

– Но я не могу ехать вот так, без подготовки.

– Привыкай. У нас всегда все без подготовки, – ухмыльнувшись, произнес он, и, не сдержавшись, подколол: – Это тебе не в конторе сидеть, бумажки переключать.

– Слушай, чего ты раскомандовался? Насколько я поняла, мы равноправные партнеры! Никто тебя старшим не назначал, а если тебе не нравится мое присутствие – пожалуись Боссу. Быть может, он назначит тебе кого-то более опытного. В штанах, – ехидно проговорила Мария. – Ведь в этом основная проблема, не так ли? Твое мужское эго просто не может вынести мысли, что агентом назначили женщину! Даже если бы меня поставили в пару с кем-то другим, тебя все равно это возмущало бы. Скажешь, я не права?

Не поворачивая головы, Дэн примирительно объяснил, мысленно соглашаясь с ее доводами:

– Была объявлена «готовность номер один». Это значит, что ни на какие заезды домой времени не выделено. К тому же Босс приказал выдвигаться немедленно. Так что ничего личного, я просто выполняю приказ.

После этого в машине повисла тишина. На этот раз первым молчание прервал Дэн. Бросив напарнице папку, которую ему вручил Босс, он произнес:

– До Дыбнинска осталось часа полтора, надо материалы изучить. Предлагаю следующее: читаешь вслух все подряд, потом обсуждаем ситуацию и составляем план действий на ближайшее время. Возражения есть?

Не притрагиваясь к папке, Мария молчала. Поерзав на сиденье, Дэн снова обратился к ней:

– Так и будешь молчать? Между прочим, как ты точно подметила, мы – равноправные партнеры, и, если не успеем изучить материалы дела, вина ляжет на обоих. Сама понимаешь,

что я не могу одновременно и машину вести, и бумаги рассматривать. Так что хватит дуться, предлагаю перемирие. Даже дикие животные соблюдают его во время засухи, а мы чем хуже? Так как, напарница, мир? – и протянул ей руку.

– Договорились, напарник, – пожимая ее, произнесла Маша. – Приступим к насущным проблемам?

Дэн кивнул и сосредоточился на дороге.

Информации в папке было негусто. Указаны адреса больниц, в которых зафиксированы обращения больных с интересующими агентов симптомами. Фамилии, возраст, пол пострадавших. Их семейное положение и адреса, по которым они проживали. Профессии и места работы. Точное время обращения и время смерти. Ну, и симптомы. Тут очевидцы не поспешили на описание. Какие только эпитеты не использовали они, чтобы наиболее точно воспроизвести картину увиденного. На деле же все показания сводились к одному. У человека, внезапно подвергнувшись странному недугу, повышалась температура тела. Длилось это состояние от нескольких минут до нескольких часов. Затем, на фоне высокой температуры, начинался озноб, переходящий в лихорадку. И наконец, конвульсии повергали больного на землю, при этом начинали происходить изменения цвета кожного покрова, и через несколько минут больной умирал.

– Странно, почему здесь не описано, что показало вскрытие? И почему нет ни одного бланка с результатами лабораторных исследований? Ведь должны же были местные врачи хотя бы попытаться выяснить причину болезни, – копаясь в бумагах в поисках недостающих сведений, недоумевала Маша.

– Думаю, Босс сделал это намеренно, – предположил Дэн. – Чтобы не испортить картину, так сказать.

– Чем же она испортится? Мы ведь все равно в первую очередь начнем бумаги изучать.

– Как сказать. Я например, собираюсь первым делом осмотреть тела погибших, а уж потом думать, нужны мне эти бумажки или нет.

– Что за новости? Сначала нужно попытаться установить диагноз. Вдруг это всего лишь необычное течение известной болезни? Или какая-то инфекция, занесенная в наши широты из африканских или азиатских стран? – горячилась Маша. – А мы будем просто глазеть на трупы, любуясь их окраской?

– Просвети меня, просто Маша, каково твое образование? Быть может, ты доктор наук, профессор медицины? Или, на худой конец, практикующий врач широкого профиля? – вкрадчиво спросил Дэн.

– По образованию я психолог, – коротко ответила она, догадываясь, к чему клонит напарник.

– Ах, психолог! Вот и прекрасно. Объясни мне, Маша, с точки зрения психологии, почему опытнейший руководитель, у которого за плечами годы секретной службы, причем безупречной службы, отправляет на задание, связанное с элементарной установкой диагноза массового заболевания, психолога и журналиста? Неужели ты думаешь, что в конторе не нашлось дипломированных медиков и нас послали от безысходности?

– Ничего такого я не думаю. Просто мне кажется, что нужно проверить все версии, вот и все.

– Уверяю тебя, версию классического заболевания проверили без нас. Не трать на это время. И вообще, заруби себе на носу: раз в ход пустили секретный отдел, значит, дело нечисто! Вот эту нечистую пакость мы и должны вычислить.

– Что ты имеешь в виду? – переспросила Маша.

– Все что угодно! Нам предстоит выбрать одну из тысячи самых необычных и необъяснимых с точки зрения здравого смысла версий. Найти ей доказательства, а главное – предотвратить последствия.

– Лично я считаю, что любому, самому на первый взгляд невероятному событию обязательно найдется вполне обычное объяснение.

– Ты так считаешь? Ну-ну! Посмотрим, что ты запоешь через полгода. Когда-то и я придерживался подобного мнения, да, к счастью, быстро понял, что на свете может существовать что угодно. Не пройдет и года, как ты изменишь свое отношение к этому вопросу и перестанешь искать рациональное зерно в том, что этого зерна не имеет. Дела, слова, мысли, ситуации, события, выходящие за рамки здравого смысла, можно понять и распутать, лишь отключив этот самый здравый смысл и поверив, что перед тобой стоит задача познать непознанное.

– Этого не будет никогда! – самоуверенно заявила Маша.

Возражать Дэн не стал, предпочитая завершить дискуссию. Тем более что на горизонте маячил конечный пункт назначения. Указатель, приютившийся на краю дороги, скромно сообщал: «Дыбнинск – 5 км».

Въехав в Дыбнинск, автомобиль покатило по улице Крестовой, которая, согласно данным навигатора, должна была привести агентов к проспекту Мира. На этом самом проспекте находился штаб Дыбнинского муниципального управления. Там Дэна и Машу ожидал начальник управления полковник полиции Матюшин Геннадий Валентинович. Ему в обязанности было вменено взять под личный контроль пребывание агентов в городе и оказывать им всевозможную помощь. Кроме того, он же должен был давать распоряжения по размещению гостей из «дружественного» ведомства.

Через десять минут нахождения в городе Дэн осторожно спросил:

– Тебе ничего не кажется странным? По-моему, на улицах как-то уж слишком малолюдно, ты не находишь?

– Что тут странного? – пожала плечами Маша. – Городок небольшой, провинциальный. В населенных пунктах с низкой численностью населения просто нет такого числа жителей, чтобы заполнять улицы круглосуточно. Еще и четырех нет, основная масса горожан сейчас работает, вот и все странности.

– И старики, которые должны сейчас сидеть на лавочках возле своих домов, тоже на работе? И школьники, у которых законные каникулы в самом разгаре? И мамы, которым сейчас самое время выгуливать младенцев? Удивительно работающий народ в этом Дыбнинске! – сердясь, произнес Дэн.

– Ой, смотри, вон мужчина идет, видишь? А ты говорил, никого нет, – торжествуя указала Маша на мужчину, показавшегося в отдалении.

– Первый за десять минут поездки, – прокомментировал Дэн.

– Ну, на машинах же люди передвигаются, – не сдавалась Маша. – Вон и автобус ходит.

От автобусной остановки действительно отъезжал микроавтобус «Газель» с табличкой на боковом стекле, указывающей маршрут следования. Кроме водителя, в микроавтобусе никого не было. Дэн покачал головой, недовольный реакцией напарницы на происходящее.

Когда машина свернула на проспект Мира, ситуация изменилась. Стали чаще попадаться прохожие. Детская спортивная площадка, встретившаяся на пути, оглашалась криками подростков, гоняющих мяч. У подъездов двух- и трехэтажных домов, сменивших одноэтажные строения, то тут, то там попадались старички и старушки, одиноко сидящие на скамеечках. «Вроде все в порядке. Что-то ты накручиваешь себя раньше времени. Видно, и правда с народом здесь негусто, а тебе сразу всякая ерунда мерещится», – мысленно упрекнул сам себя Дэн. Он медленно вел машину, вглядываясь в номера домов, пытаясь определить, правильное ли выбрал направление, когда на дорогу выбежала молоденькая девушка, почти подросток. Она энергично замахала руками и буквально свалилась под колеса машины. Дэн резко ударил по тормозам и, выскочив из машины, бросился к девушке:

– Сдурела?! Чего под колеса лезешь? Жить надоело?

– Папочка! Пожалуйста, мой папочка! – запричитала девушка и стала тянуть Дэна в сторону от дороги.

– Что случилось? – вступила в разговор Маша, поспешившая на помощь напарнику.

Девушка посмотрела на нее невидящим взглядом и снова принялась тянуть Дэна за руку. Тот схватил ее за плечи, тряхнул что есть силы и требовательно произнес:

– Успокойся! Ты можешь толком объяснить, что стряслось? Ну же, приходи в себя, иначе я не смогу тебе помочь! Ты меня слышишь?

С трудом взяв себя в руки, девушка заговорила чуть более связно:

– Помогите, там мой папочка! Ему плохо. Очень плохо!

– Где он? Показать можешь?

Кивнув, девушка бросилась в подъезд пятиэтажного дома, стоящего вдоль дороги. Дэн и Маша поспешили за ней. Взбежав на третий этаж, они вошли в квартиру.

– Почему темно-то так, – ни к кому не обращаясь, произнес Дэн.

– Где девушка? – спросила Маша.

Их голоса прозвучали одновременно. Больше в квартире не было слышно ни звука. Дэн заглянул в дверной проем. Окно, занавешенное плотным одеялом, едва пропускало свет. Щелкнув выключателем, он убедился, что комната пуста.

– Ау, где вы, отзовитесь! – позвала Маша.

На ее призыв из ванной комнаты выглянула голова девушки. Она приложила палец к губам и поманила Машу к себе, прошептав:

– Тише, прошу вас. Кажется, он заснул.

Дэн отстранил девушку, прошел в ванную комнату. Там, на ватном одеяле, постеленном прямо в ванне, лежал мужчина лет сорока, не подававший признаков жизни.

– Включите свет, – попросил Дэн. – Мне необходимо его осмотреть.

– Нет, нет! Свет включать нельзя! Папочка запретил, – воспротивилась девушка.

– Что за бред вы несете! – возмутился Дэн. – Здесь же не видно ничего. Я даже не могу определить, дышит ли он.

– Спокойно, Дэн, позволь, я посмотрю, – попросила Маша, отстраняя его и приступая к осмотру.

Он недовольно поморщился, но место уступил. Пощупав пульс, Маша убедилась в том, что мужчина жив. Дыхание едва прослушивалось. Кожа горела, как при солнечном ожоге.

– Давно он так лежит? В смысле, давно ему плохо стало? – повернулась она к девушке.

– Со вчерашнего дня. Он пришел с работы, как обычно. Веселый и здоровый. Даже ужин сам приготовил. А часа через два начал на недомогание жаловаться. Он вообще-то терпеливый, зря панику разводить не любит. Температуру померил, попросил жаропонижающее дать. Я на кухню пошла, слышу, из комнаты крик. Бросилась обратно, а он в угол забился и кричит: «Окно, закрой окно, больно!» Я шторы задернула, а он не успокаивается. Давай, говорит, чем-нибудь окно завесим, глаза жжет. Я подумала, что у него бред от высокой температуры начался. Спорить не стала, кое-как одеяло на карниз пристроила. Хотела в «Скорую» звонить, а папа успокоился, вроде как в себя пришел. Не торопись, говорит, к утру оклемаюсь. На диван лег, задремал даже. Ну, и я спать пошла. Утром проснулась, первым делом в его комнату зашла. Смотрю, там никого. Ну, думаю, получше стало, на работу ушел. В ванную захожу, а он там. Одеяло постелил, улегся и дрожит весь. Я спросила, зачем он туда забрался, а он говорит: «В комнате спать невозможно, кожа горит». Я снова про «Скорую» заговорила, он отказался, само пройдет, говорит, лучше на работу позвони, предупреди, что пару дней отлежаться возьму. А потом совсем плохо стало. В ознобе колотит, температура выше сорока поднялась, лекарства не помогают. – Девушка замолчала, переводя дух.

– Не надо было его мнения насчет больницы спрашивать. Вызвали бы «Скорую» тайно от отца, глядишь, врачам бы удалось уговорить его на госпитализацию. Разве можно в таком

состоянии человека без медицинской помощи оставлять? – отругала девушку Маша, продолжая осмотр.

Та смущенно опустила голову и прошептала:

– Папа телефон разбил. Специально, чтобы я врачей не смогла вызвать. И выходить мне не позволял.

– Как же вы тогда вырвались? – продолжала допытываться Маша.

– Отключился он, я и убежала.

– Получается, сколько времени он уже без сознания? – начал подсчитывать Дэн, – В квартире мы уже минуты четыре. Плюс две минуты на дорогу от машины до квартиры. Да пока она нас увидела, наверняка время прошло.

– Так, математик, примеры решать будешь после. А сейчас «Скорую» вызывай, будем госпитализировать больного, – прервала Маша выкладки Дэна и отправилась на кухню. Дэн поспешно занял ее место, проделав кое-какие нехитрые манипуляции, и последовал за ней.

– Похоже, наш вариант? – высказал он предположение.

– С чего бы это? Из-за температуры? – скептически покачала головой Маша.

– А ты глаза его видела?

– Ну, кожа ведь нормального цвета, – снова возразила она. – Думаю, у него обычная пневмония. А может быть, на солнце перегрелся.

– Ну-ну, пневмония! – промычал Дэн.

– Может, не нужно в больницу? – робко вклинилась в их беседу девушка, следуя по пятам за Дэном. – Может, раз уснул, ему уже лучше?

– Как вас зовут? – повернувшись к девушке, спросила Маша.

– Арина, – представилась девушка. – Папа называет меня Иночка с одним «н», как уменьшительное от Арины.

– Послушайте, Арина, отец ваш не спит, он в глубоком обмороке. Думаю, обморок длится не меньше десяти минут, а в таком случае необходима срочная медицинская помощь, понимаете? Разве не об этом вы нас просили несколько минут назад?

Пока Маша уговаривала Арину, Дэн перешел в комнату и набрал номер «неотложки». С трудом дозвонившись до станции «Скорой помощи», он обрисовал ситуацию и сообщил адрес, предварительно уточнив его у хозяйки квартиры. Выслушав ответ, сунул телефон в карман и, вернувшись к Маше, сообщил в пустоту:

– Они не приедут. Все машины на выезде. По крайней мере, сказали так. Остается одно: повезем сами. Арина, соберите для отца кое-какую одежду, и поехали.

Арина ушла в комнату, а Дэн и Маша принялись готовить больного к транспортировке. Маша взяла его за ноги, Дэн подхватил под плечи.

– Поднимаем рывком. На раз, два, три, – напомнил он.

Но на счет три отец Арины так и остался лежать в ванне.

– Ничего себе он весит, а с виду и не скажешь! – отдуваясь, пораженно произнес Дэн. – Килограммов двести двадцать! Да, любопытный пациент. Еще попыточка, а, Мария?

Внезапно мужчина пришел в сознание. Губы его зашевелились, но звука слышно не было. Дэн наклонился над больным, почти касаясь ухом лица, стараясь расслышать, что тот говорит.

– Больно. Горю, – только и смог разобрать он.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо, – постарался успокоить больного Дэн. – Сейчас поедем в больницу. Там вас осмотрит врач, пропишет лекарства, уколы, и все пройдет.

Правда, сам он в положительном исходе сильно сомневался. Слегка приподняв руку, мужчина махнул Дэну, требуя, чтобы тот снова наклонился, и из последних сил шевеля губами, произнес:

– Дочку дома не оставляйте. Помираю. К тетке, в Троицк. Деньги. Иночка знает. – Он тяжело дышал, глаза закрылись.

– Не волнуйся, отец, я прослежу, чтобы Арина попала в Троицк, – пообещал Дэн. – О деньгах не думай. Береги силы, нам с тобой еще на первый этаж топать.

На лице мужчины проскользнуло некое подобие улыбки. Одними губами он прошептал слова благодарности. Дэн решил действовать, пока больной еще в сознании, и сказал:

– Давай, отец, цепляйся за меня, будем выкарабкиваться из твоего панциря. – Перекинул ноги мужчины через край ванны, руку положил себе на плечо и рванул больного вверх.

На этот раз, хоть и с трудом, мужчина встал на ноги. Маша подхватила его с другой стороны, и черепащими шагами процессия двинулась к выходу. Преодолев порог, больной начал падать. Видимо, остатки сил на этом окончательно иссякли. Тогда Дэн перекинул его через плечо и стал медленно спускаться по ступеням, отдуваясь на каждом шагу. Арина забежала вперед и беспрестанно спрашивала одно и то же:

– А папочке не больно? А вы его не уроните?

Дэн терпеливо отвечал, заверяя девушку, что ронять ее отца не собирается. Подъездная дверь показалась ему самой лучшей наградой, какую он только получал во времена славной спортивной молодости.

– Ариша, ты дверь придержи, чтоб твой папка не ударился ненароком, – натужно сипя, проговорил он и, доковыляв до скамейки, осторожно скинул ношу. Потирая затекшую спину, обернулся к Маше, намереваясь посадить ее за руль:

– В боковом кармане ключи. Заводи мотор и подгоняй как можно ближе. Боюсь, после совершенного спуска я надолго вышел из строя, а мне его еще в салон тащить.

Маша спорить не стала. Протягивая руку в направлении скамейки, она молча смотрела на что-то поверх плеча напарника, и глаза ее при этом выражали ужас. Дэн начал поворачиваться. В этот момент за спиной раздался душераздирающий вопль. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Дэн застыл как вкопанный. Все его внимание было приковано к больному. Кожа мужчины приобрела кроваво-красный оттенок, волосы на голове шевелились, на лице застыла маска боли, тело трясло, как при эпилептическом припадке. А дальше стало происходить то, что так красочно описывали другие очевидцы. Буквально за несколько секунд кожа больного отразила все цвета спектра, затем несколько секунд передышки, и снова волны цвета. При всем при этом больной издавал ужасные крики. Слышать их было невыносимо. Дэн рванул Машу за руку, выводя из ступора, и вполголоса произнес:

– Планы меняются. Пора воспользоваться служебным положением. Я звоню Матюшину, пусть присылает «неотложку», а ты уводи девочку. – Видя, что Маша не реагирует, он прикрикнул: – Ну, живо! Не видишь, девчонке совсем плохо!

Взглянув на Арину, Маша поняла, что та вот-вот потеряет сознание, и поспешила ей на помощь.

– Куда ее? – на ходу спросила она.

– Обрато в квартиру. Как Матюшин прибудет, я вас вызову, – набирая номер, пообещал Дэн.

– А ты что будешь делать? – внезапно остановившись, испуганно спросила Маша.

– Попытаюсь уложить его на газон, а то он сейчас себя покалечит. Да иди уже! За меня не беспокойся, – поняв сомнения напарницы, успокоил ее Дэн. – И не из таких передрыг выкручивался.

Маша подхватила девушку и увела в подъезд. Та не сопротивлялась, видно, события последних суток оказались ей не по силам. Дэн дождался, пока они скроются из виду, набрал номер полковника, коротко представился и тут же потребовал:

– Срочно реанимационную машину с бригадой на проспект Мира, дом двадцать. Похоже, тут наш клиент.

Выслушав ответ, он отключил телефон. Пришло время заняться подопечным. Подобраться к нему оказалось не так-то просто. Еще пару минут назад мужчина с трудом поднимал

кисть, а теперь отчаянно отбивался от любых попыток приблизиться к его телу. Дэн решил действовать с тыла. Зайдя за скамейку, изловчился, обхватил сопротивляющегося мужчину за пояс и волоком потащил его на газон. Поднять больного второй раз сил у него уже не было.

Глава 2

Час спустя Дэн и Маша сидели в кабинете полковника Матюшина и обсуждали ситуацию, сложившуюся в городе. Отец Арины скончался до того, как успела приехать бригада реаниматологов, хотя те и прибыли на место через десять минут после звонка Дэна.

– И это он еще на удивление долго продержался, – прокомментировал смерть мужчины Матюшин. – Большинство пациентов с подобными симптомами не протянули и двух часов с момента появления первых признаков заболевания.

– Сколько всего зарегистрировано подобных случаев на настоящий момент? – задал вопрос Дэн.

– Сорок шесть. Ваш – сорок седьмой, – ответил Матюшин. – Думаю, к концу дня цифра увеличится.

– Что говорят патологоанатомы? – вступила в разговор Маша.

– Много чего, – неопределенно протянул Матюшин. – Лучше пообщайтесь с нашим судмедэкспертом, он проводил вскрытие первого трупа.

– Где и когда был зарегистрирован первый случай? – спросил Дэн.

– Вчера, ближе к двенадцати часам дня. Мужчина, тридцать пять лет. Жена доставила больного в Центральную инфекционную больницу. Пациента принял Соболев Вадим Андреевич, молодой специалист общего профиля. В этот день он дежурил на приеме.

– Почему они обратились именно в инфекционную больницу? Живут неподалеку?

– Все нет. На дорогу от дома больного до приемного покоя женщина потратила сорок минут. Просто у обывателей вошло в привычку ставить диагноз больному самостоятельно. Заболел кто-то из семьи, что в первую очередь делают родственники? Открывают Интернет и начинают сравнивать симптомы различных заболеваний. Так же поступила и супруга покойного. Напав на статью про инфекционные заболевания, сопровождающиеся повышением температуры, она решила, что медлить нельзя, и срочно отправилась в больницу.

– Доктор Соболев успел осмотреть больного до того, как тот скончался?

– Нет. Судороги начались еще во дворе больницы. Когда санитары доставили мужчину в реанимационную палату, он уже едва дышал.

– Что говорит Соболев, какова причина смерти?

– Послушайте, кого интересует мнение молодого доктора? Из департамента здравоохранения области в Дыбнинск прибыла делегация специалистов различных профилей, прислал своих представителей даже территориальный Центр медицины катастроф. При Центральной инфекционной больнице создан специальный штаб по изучению и разрешению сложившейся в городе ситуации. Не думаю, что тратить время на бредни неопытного врача такая уж хорошая идея.

– Какие меры предприняты на настоящий момент? – выслушав Матюшина, поинтересовался Дэн.

– А что мы можем? – удивился вопросу полковник. – Пока специалисты не выяснят причин столь необычного заболевания, наши руки связаны. Штаб проводит мероприятия по осуществлению координации деятельности подведомственных лечебных учреждений. Все результаты лабораторных исследований незамедлительно направляются в штаб, где их изучают лучшие инфекционисты и вирусологи области. А мы вынуждены просто ждать.

– Сколько всего в городе действующих больниц? – на этот раз вопрос задала Маша.

– Не так много, как хотелось бы. В Дыбнинске семь государственных бюджетных больниц. В их числе одна детская и одна психиатрическая.

– В каких из них зафиксированы интересующие нас случаи?

– Хотите знать, ограничиваются ли обращения территориально? Вынужден вас огорчить. Об этом мы подумали в первую очередь. Собственно, это единственный вопрос, который находится в нашей компетенции. Так вот, во все пять больниц были доставлены пациенты с высокой температурой и судорогами, переходящими в паралич всех органов. А теперь в морге каждой из них находится от пяти до пятнадцати трупов, – закончил Матюшин.

– Нашли что-то, что могло бы объединять пострадавших при жизни? – задал очередной вопрос Дэн.

– Мои ребята работают в данном направлении, но пока результаты отрицательные.

– Хорошо, прервем наш разговор, – вставая, заявил Дэн. – Вы сказали, что специалисты организовали штаб при инфекционной больнице, так?

– Совершенно верно. Именно там самое большое количество обратившихся.

– И первый пациент тоже там?

– Да, конечно. Они не могут выдать тело его жене до особого распоряжения.

– Значит, мы направляемся в Центральную инфекционную, – подытожил Дэн.

– Послать патрульную машину для вашего сопровождения? – предложил Матюшин.

– Думаю, с этой задачей я справлюсь самостоятельно, – отказался от эскорта Дэн.

– Дело ваше. – Матюшин слегка замялся. – Мы приготовили для вас номер в гостинице, правда, меня не предупредили о некоторых нюансах, – смущенно посмотрел он на Машу, – но это решаемый вопрос. Я отдам соответствующие указания, и к вечеру в вашем распоряжении будут два отдельных номера. Если хотите, патрульный отвезет вас в гостиницу.

Предложение было адресовано Маше. Дэн, улыбаясь, смотрел на напарницу, ожидая ее реакции.

– Сколько времени займет дорога до больницы? – делая вид, что не поняла намека, спросила она.

– Минут двадцать, – ответил полковник.

– Тогда позвоните в штаб и предупредите о нашем приезде. Пусть подготовят все документы, – делая ударение на слове «нашем», попросила Маша. – Не хотелось бы терять время на лишние объяснения.

– Как скажете, – кивнул Матюшин.

Он был явно недоволен тем, что приходится подчиняться девчонке, но выбора у него не было.

Покинув его кабинет, Дэн и Маша сели в машину и поехали в направлении больницы. Отъехав пару кварталов, Дэн остановился.

– В чем дело? Забыл дорогу? Сейчас налево, – подсказала Маша.

– Что ты обо всем этом думаешь? – неожиданно спросил Дэн.

– Пока рано делать какие-то выводы. Доберемся до штаба, изучим бумаги, тогда и спрашивай.

– Думаю, нам стоит разделиться. Ты отправишься в штаб изучать материалы, собранные «специалистами», а я попытаюсь разыскать Соболева. Вечером встретимся и обменяемся информацией.

– Не вижу необходимости, – возразила Маша. – На данном этапе документы – это единственная возможность получить представление о серьезности положения.

– А Соболев? С ним нужно встретиться в первую очередь, – настаивал Дэн.

– Только потому, что полковник отозвался о мнении Соболева как о «бреднях»? Признаться, ведь именно это тебя зацепило? – усмехнулась она. – Надеешься, что врач поведаст тебе историю о вторжении инопланетян на территорию отдельно взятого города?

– Можно и так сказать, – без тени улыбки ответил Дэн. – А можно просто рассуждать логически. Полковник Матюшин упомянул, что период наступления смерти пациентов существенно разнится. Предполагаю, это зависит от неких внешних факторов. А определить эти

факторы мы сможем только тогда, когда опросим максимально возможное количество свидетелей. И Соболев – лучший источник данной информации. Не согласна?

Маша неопределенно пожала плечами, но возражать не стала.

– Значит, решено. Ты – в штаб, я – на опрос свидетелей, – попытожил Дэн, завел мотор и двинулся дальше.

Подъехав к пропускному пункту больницы, он посигналил. На его призыв из будки вышел дежурный и, поспешно подняв шлагбаум, махнул рукой, мол, проезжайте. Дэн выглянул из окошка, решив уточнить дорогу:

– В каком корпусе располагается администрация?

– Езжай прямо, никуда не сворачивая. Вам вон в то здание из красного кирпича нужно, – показав направление, ответил дежурный. – Вы же насчет «радужных жмуриков» приехали?

– Насчет кого, простите? – переспросил Дэн.

– Ну, по поводу покойников, которые цвет меняют, – повторил дежурный. – Меня администрация предупредила. Как приедет автомобиль с московскими номерами, сразу в главный корпус их отправляй. Да вы не подумайте, я секретность сохраняю. Если журналисты или просто любопытствующие про вас спрашивать будут, так я их куда подальше пошлю. Ничего, мол, не знаю, ничего не ведаю.

– А вы больных этих видели?

– «Радужных»-то? Конечно, видел! Зрелище еще то, доложу я вам. Да чего говорить, сейчас сами все увидите.

– Миленькое прозвище, – поворачиваясь к Маше, произнес Дэн. – Я бы даже сказал, романтическое.

– Рули давай, романтик, – улыбнулась Маша.

Дэн проехал к главному корпусу. Отыскав тень, припарковал машину. Вслед за Машей поднялся на ступени крыльца, и там они расстались. Она направилась на третий этаж, где, по словам медицинской сестры, встретившейся им на первом этаже, находился штаб территориального Центра медицины катастроф, а Дэн пошел разыскивать ординаторскую, чтобы пообщаться с доктором Соболевым.

Маша шла по коридору третьего этажа, разыскивая кабинет, в котором располагался штаб. В роли агента она выступала впервые, и от этого чувствовала себя неловко. «Черт бы побрал Дэна! Наверняка нарочно оставил меня одну. Знает ведь, что опыт в подобных делах у меня нулевой», – сердилась она на напарника. Но признаваться в этом Дэну Маша не собиралась даже под страхом смертной казни. В конце концов, Боссу виднее, подходит она для выполнения особо секретных заданий или нет. А опыт? Что ж, опыт – дело наживное. Вот сейчас она и будет его наживать!

На двери с табличкой, указывающей, что в данном помещении располагается вотчина главврача, она обнаружила лист офисной бумаги, прикрепленный скотчем. Красноречивая надпись «Посторонним не входить» давала надежду на то, что Маша пришла по назначению. Постучав и не дожидаясь разрешения, она вошла в просторный кабинет, в настоящий момент набитый до отказа людьми в белых халатах.

– Девушка, вы что, читать не умеете? Ведь русским языком написано «Не входить»! – возмущенно произнес мужчина в штатском.

– Здравствуйте, господа. Я ищу главврача Калабина Анатолия Борисовича, – стараясь выдержать официальный тон, произнесла Маша.

Мужчина в штатском, минуту назад отчитавший ее за вторжение, отошел от стола, перед которым сгрудились собравшиеся, и направился к ней.

– К сожалению, главврач сильно занят. По всем вопросам вы можете обратиться к его заместителю. Второй этаж, третья дверь налево. Сами найдете, или выделить вам сопровождающего?

– Боюсь, в моем случае заместитель не поможет, – не меняя тона, произнесла Маша. – Федеральная служба безопасности. Агент Калиновская Мария Дмитриевна. Полковник Матюшин должен был предупредить вас о моем приходе.

В комнате повисла тишина. Было слышно лишь слабое гудение принтера. Лица всех присутствующих обратились в сторону девушки. Одни – с интересом, другие – с недоумением. Когда пауза затянулась до неприличия, Маша снова заговорила:

– Так кто из вас Анатолий Борисович?

– Это я, – обретая дар речи, сообщил высокий сухопарый мужчина средних лет. – Проходите, Мария Дмитриевна, будем вводить вас в курс дела.

– Надеюсь, вы представите мне остальных членов штаба? – то ли спросила, то ли потребовала Маша.

– Конечно, конечно, – смутился Калабин.

Процедура знакомства заняла добрых двадцать минут. Калабин старался вовсю. Представляя каждого из присутствующих, он перечислял все их звания и награды, давая понять, в компанию каких маститых ученых посчастливилось попасть Маше. Потребовав поименного знакомства, она не могла уже отказаться дослушать Калабина до конца, понимая, что сама спровоцировала такое поведение, и терпеливо ждала, когда запас его красноречия иссякнет. Положение спас представитель Центра медицины катастроф. Отстранив Калабина, он обратился непосредственно к Маше:

– Позвольте вкратце обрисовать ситуацию. Как вы уже знаете, в городе зафиксировано порядка пятидесяти случаев заболевания неизвестного происхождения, приводящего к летальному исходу. На настоящий момент проведен ряд лабораторных исследований органов и тканей погибших на предмет выявления инфекции или вируса, способного вызвать подобные изменения в человеческом организме. Если опустить подробности результатов бактериологических, биохимических, серологических и других исследований, то получается следующая картина. Организм всех пострадавших был подвержен воздействию сильнейшего паралитического вещества. Смерть наступала от паралича всех внутренних органов. А вот происхождение этого вещества и пути его проникновения в организм выяснить не удалось.

– Это не совсем так, – возразил один из присутствующих. – Симптомы, предшествующие смерти, довольно схожи с теми, что вызывают фосфорорганические соединения. – Обращаясь непосредственно к Маше, он спросил: – Вы позволите описать их? – И, не обращая внимания на возражения коллег, продолжил: – Поступая в кровь, эти вещества воздействуют на центральную нервную систему. Если доза вещества близка смертельной, спустя несколько минут от начала интоксикации формируется состояние повышенной судорожной готовности – внешние раздражители провоцируют судорожный припадок. Пострадавший падает на бок. На фоне судорог дыхание останавливается, лицо становится цианотичным, зрачки расширяются. В межсудорожном периоде выявляется некоторый подъем артериального давления, брадикардия. Через непродолжительное время приступ повторяется. При первых судорожных припадках сознание сохранено, затем, после нескольких судорожных приступов, наблюдается переход в ступор и потеря сознания. Через 5—10 припадков наступает смерть от асфиксии, нарушения сердечной деятельности, резкого падения артериального давления. Заметили сходство?

– Все это интересно, профессор, но позвольте вам напомнить, что ни один из пострадавших не дожил и до третьих судорог, не так ли? – скрестив руки на груди, скептически возразил его оппонент. – Существует и ряд других противоречий, а следуя вашей логике, с той же долей уверенности можно сказать, что люди пострадали от отравления веществом из ряда общеядовитых или токсинов. Симптомы их воздействия схожи. И потом, не забывайте о результатах

лабораторных исследований. Уж фосфорорганические соединения наши специалисты могли бы выявить еще на первой стадии исследований...

– Ваша мысль мне ясна, – прервала полемику Маша. – Если позволите, я бы предпочла все предположения изучить в письменном виде. А сейчас мне хотелось бы взглянуть на предмет вашего спора. Анатолий Борисович, не могли бы вы проводить меня в морг?

И снова в комнате повисла тишина, а взоры всех присутствующих обратились на Машу. У той невольно возникло чувство дежавю. «Что теперь не так? – раздраженно подумала она. – Вполне законное требование. Как, по их мнению, я смогу представить ясную картину происходящего, не взглянув на тела погибших?» Видимо, ее недовольство отразилось на лице, потому что Калабин поспешно вскочил и направился к выходу, приговаривая:

– Без проблем, Мария Дмитриевна. В морг, так в морг.

Это высказывание вызвало улыбки на лицах собравшихся, ассоциируясь с популярным в медицинских кругах анекдотом. Кивком головы простившись со всеми, Маша последовала за Калабиным.

– Соболев? Так он на операции. Там случай сложный, вот профессор Горкович его и позвал. А вообще-то у Соболева сегодня выходной, – сообщила Дэну словоохотливая медсестричка, которую он выловил в хирургическом отделении. – Вы по какому вопросу к нему? Про пациента узнать? Родственник?

– На больного не тяну? – пошутил Дэн.

– Для больного у вас слишком цветущий вид, – игриво заметила медсестра. – Так вы ждать доктора будете? У нас для этого и комната специальная имеется.

– Комната – это хорошо. Но, пожалуй, от вашего предложения я откажусь. Сколько продлится операция?

– Минут сорок осталось, – посмотрев на часы, сообщила медсестра.

– Тогда я лучше прогуляюсь, – заявил Дэн, направляясь к выходу.

– Ну как знаете, – пожала она плечами. – Не провороньте доктора-то.

– Постараюсь.

Дэн направился к пропускному пункту. Дежурный охранник сидел в своей будке и слушал радио. Постучав по оконному стеклу, Дэн жестом попросил его выйти.

– Заплутали? – выйдя на крыльцо, спросил охранник, полагая, что Дэн не смог найти дорогу к главному корпусу.

– Просто вернулся. Пообщаться хотел, – ответил тот, присаживаясь на скамейку.

– Со мной-то чего балакать, я персона скромная, – удивился охранник. – Мое дело шлагбаум поднимать да санитаров вызывать.

– Не скажите, – возразил Дэн, – про «радужных» пациентов больше вас кто знает? Вы, наверное, не одного такого пациента у ворот встречали?

– Да уж, не одного, это вы точно подметили. Нынешнее лето на сюрпризы богато. И жара стоит аномальная, и покойнички разноцветные, и неизвестно еще что на город свалится. В такую-то погоду!

– Думаете, всему виной жара?

– Кто знает? Может, и она, а может, и вправду последние дни наступают. Вы передачу «Тайные знаки» смотрите? Так там только про то и говорят, что перед концом света всяческие катаклизмы происходить начнут. А покойнички наши разве не из того же разряда? Где это видано, чтобы человек в считанные секунды, как хамелеон, окраску менял?

– Можете рассказать, как это происходило? – попросил Дэн.

– Вам про какого? Про первого или про всех скопом? – уточнил охранник.

– Давайте про всех, но по очереди.

Выслушивая истории охранника, Дэн чуть было не пропустил того, кого ждал. Через калитку прошел молодой мужчина, кивком головы прощаясь с охранником. Тот кивнул в ответ и осведомился:

– Уже домой собрался? Что-то рано сегодня.

– Смена не моя. Это я к Горковичу напросился. Случай больно интересный, – пояснил мужчина.

– Неужто интересней «радужных»? – продолжал допытываться охранник.

– Ну, этих никто не переплюнет, – на ходу бросил мужчина, явно не испытывая желания поболтать.

– Это не Соболев, случайно? – глядя вслед уходящему мужчине, спросил Дэн охранника.

– Он самый. Между прочим, ему этих разноцветных покойничков больше всех в отделении досталось.

Но Дэн его уже не слушал. Он бежал вслед за Соболевым, крича на ходу:

– Доктор Соболев, подождите!

Соболев остановился в ожидании, пока Дэн не поравняется с ним.

– Вы что-то хотели? – вежливо поинтересовался он.

– Федеральная служба безопасности. Специальный агент Болдин Данила Романович. Уделите мне несколько минут вашего времени? – доставая удостоверение, представился Дэн.

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовался молодой доктор.

– Предлагаю найти более уединенное место, – указывая на любопытных прохожих, предложил Дэн. – Речь пойдет о пациентах, не доживающих до осмотра.

– Так вот вы о чем, – понимающе протянул Соболев. – Теперь все понятно. Неужели проблемами глубинки наконец-то заинтересовались высокие чины? Что, дело получило резонанс?

– Можно и так сказать, – согласился Дэн. – Так как насчет беседы?

– Пойдемте. Есть тут неподалеку одно укромное местечко.

Соболев направился обратно в сторону больничного двора. Проходя мимо охранника, он предупредил:

– Если меня будут искать, я в беседке у дальнего корпуса.

Охранник понятливо кивнул. Мужчины дошли до конца асфальтовой дорожки и свернули на газон. Меж пожухлой травы петляла узкая тропинка, ведущая к дальнему краю больничного двора. Сквозь деревья Дэн увидел старенькую беседку. Это шаткое строение и было конечным пунктом следования. Расположившись на полусгнивших досках скамьи, Соболев вопросительно посмотрел на Дэна, ожидая вопросов. Тот не заставил долго ждать.

– Охранник сказал, что вы принимали первого «радужного» пациента, это так?

– И первого, и второго, и десятого. Дежурство-то мое было. Я на сутки в восемь утра заступил и до восьми утра следующего дня нес вахту, так сказать, а большая часть «летальных больных», как официально велено называть интересующих вас пациентов, прибыла как раз в этот промежуток времени. Доктора из другой смены только троих приняли, насколько я знаю.

– Расскажите про первого, – попросил Дэн. – Думаю, первые впечатления были самыми запоминающимися.

– Это с какой стороны посмотреть, – возразил Соболев. – Нет, я, конечно, удивился, когда санитары на каталке привезли того мужчину. Помню, я тогда подумал, что, быть может, он художник или еще что-то в этом роде. О том, что цвет кожи как-то связан с состоянием больного, мне и в голову не пришло. Это уже потом выяснилось, когда я из санитаров подробности вытягивал. Только мужик к тому времени скончался. Можно сказать, что мне он достался уже мертвым.

– Предварительный диагноз причин смерти поставили?

– А как же без этого? Даже целых три: хроническая сердечная недостаточность, травматическая асфиксия и, естественно, отравление неизвестным веществом. При вскрытии подтвердился последний диагноз. Правда, не совсем так, как я предполагал.

– Что вы имеете в виду?

– Дело в том, что в настоящий момент я пишу диссертацию, тема которой напрямую связана с отравляющими веществами, их воздействием на организм, особенностями симптоматики, зависящей от способа введения, и прочей специфической информацией. Как видите, в данной области мои познания немного шире дилетантских, – пояснил Соболев, – и тем не менее, изучая результаты вскрытия, я не смог определить даже то, каким образом произошло отравление!

– Кого-то из «летальных» больных вам удалось застать в сознании? – задал следующий вопрос Дэн.

– Пока нет. Был, правда, один, – подумав, ответил Соболев, – но сказать про него, что он был в памяти, это слишком громко. Более точное определение – парень сохранил способность передвигаться.

– Как он попал к вам? Если можно, опишите, не пропуская ни одной детали.

– Его привез сослуживец. Приехал на «ЗИЛе» с крытым фургоном. Парни занимались перевозками различных грузов на междугородных рейсах. Тот, что был за рулем, ворвался в приемное отделение где-то около трех часов дня. Я только-только прилег отдохнуть, сутки на ногах ведь не простоишь, а тут пауза образовалась, ну, я и решил вздремнуть. Так он прямо в ординаторскую завалился, давай за грудки меня хватать. Спасай, говорит, товарища, помирает он. Я спросонья понять ничего не успел, а он уже тащил меня к выходу. До крыльца добраться успели, пока мне остановить его удалось. Ну, заставил я его объясняться. Он как начал симптомы перечислять, я сразу понял, что еще один «радужный» в больничку прибыл. К тому времени их уже двое было, и главврач с меня стружку за «летальные» снять успел. Ну, думаю, хана нам всем. Еще один смертный случай за три часа. Где, спрашиваю, дружок твой? В фургоне, говорит. Ему свет глаза режет, в кабине ехать не согласился. Я сам на пропускной пункт пошел. Там охранник наш, Жуков, уже на стреме стоял. Как только меня увидел, шлагбаум поднял, и в сторонку. Он от первых двух пациентов еще не отошел, а тут третий на подходе. Я в фургон полез, хотел на месте больного осмотреть, а то не доведем, думаю, до смотровой, что тогда? – Соболев замолчал, заново переживая события вчерашнего дня.

– Так вы успели больного осмотреть? – поторопил его Дэн.

– Успел. Только что там за осмотр? Темно в фургоне, хоть глаз коли, а больной к дальней стене прижался, дрожит и из машины выходить отказывается. Я дверь пошире открыл, а он как заорет, аж мурашки по коже! Жжет, кричит, больно, и глубже в стену вжаться пытается. Прямо как в фильмах ужасов! Я щелку небольшую оставил, и к нему. Не переживай, говорю, не буду я тебя из фургона тянуть, а у самого мысль возникла, вдруг, думаю, это не «радужный», а шизофреник в стадии рецидива? Что там у него в голове? Солнечный свет его, видите ли, жжет. Хоть и с опаской, но подошел поближе. До руки дотронулся, а она огненная, будто пламенем изнутри объята. Что вас беспокоит, спрашиваю, а он глаза не открывает, будто смотреть на меня не хочет. Я снова с вопросом своим, что болит, говорю, на что жалуетесь? Он глаза-то открыл, а они темно-фиолетовые, почти черные, даже при тусклом свете видно. Тут приятель его к нам присоединился. Стали мы больного вместе уговаривать, чтобы он на осмотр согласился. Только зря время потратили, он на нас почти не реагировал.

– Цвет кожи был обычным? – спросил Дэн.

– Поначалу да. Это еще до того, как мы парня на улицу вывели. Подождите немного, скоро и до этого дойду, – пообещал Соболев и продолжил рассказ: – Я когда понял, что уговоры ни к чему не приведут, приятелю его велел мотор заводить и подгонять машину поближе к приемному отделению. Там, говорю, санитаров вызовем, насильно на каталку друга твоего

уложим, и в реанимацию. Он согласился. Видать, порядком намучился с дружкой своим. Подогнал «ЗИЛ» к крыльцу, я санитаров крикнул, а сам к больному. Смотрю, он сознание потерял. Ну, думаю, надо спешить. Пока он в себя не пришел, мы его быстренько вдвоем с водителем в палату и перетащим. Не стал санитаров дожидаться. Ухватили мы его за руки, за ноги, хотели приподнять, да не тут-то было!

– Парнишка весом с тонну оказался, верно? – улыбнулся Дэн, вспоминая, как тащил отца Арины.

– Уже в курсе? – ответил с улыбкой Соболев. – Только наш пациент не одну, а целых три тонны весил. Вчетвером еле волоком на каталку стащили! Только и это еще не все. Самое интересное началось, когда мы его к дверям повезли. Внезапно дружок наш очнулся, с каталки соскочил, и бежать. Да, видно, силы на исходе были, недалеко убежал.

– Дальше можете не рассказывать, общая картина мне известна, – остановил Соболева Дэн. – Чем дело закончилось? Я имею в виду, через какой промежуток времени, после того как начались судороги и кожа стала менять цвет, пациент скончался? И успели ли вы выполнить хоть какие-то реанимационные действия?

– В том-то и дело, что нет. Все произошло в считанные секунды. Мы даже добежать до него не успели, хоть он не так уж далеко от крыльца удалился. Остановка дыхания, прекращение сердцебиения. С первого взгляда было понятно, что любые попытки реанимировать больного будут бесплодными. Я санитарам велел в изолятор его везти, а сам к главврачу на ковер. Он наверх доложил, там велели разбираться. Даже приказ отдали, чтоб в двадцать четыре часа диагноз установить и причину смерти в отчете указать. Мы и отчитаться не успели, а больничный морг еще тремя «летальными» пополнился.

– В ближайшие дни кто-то из них обращался в лечебные учреждения с жалобами на плохое самочувствие? Быть может, родственники сообщали об общем недомогании, потере аппетита, бессоннице или о чем-то подобном?

– Ни один из тех, кого постигла столь внезапная смерть, на здоровье не жаловался. Об этом твердили все без исключения родственники. Тем страшнее оказался результат. Сами понимаете, когда человек долго и тяжело болеет, примириться с его смертью родственникам бывает легче, – с тяжелым вздохом произнес Соболев.

– Ну хорошо, с картиной течения болезни все более или менее понятно. Что вы думаете о происхождении данного заболевания? Меня интересует лично ваше мнение, – пояснил Дэн.

– Вам действительно это интересно? – с сомнением повторил Соболев. – Хорошо, я выскажусь, хотя мои предположения скорее всего покажутся вам полнейшим бредом.

Он помолчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил. Медленно, неуверенно, словно ему самому было сложно поверить в то, что он произносит.

– Здесь налицо действие какого-то токсина. Нервно-паралитический яд. Причем нового, до сего дня неизвестного вида. Такое ощущение, что в организм человека он вводился постепенно, малыми дозами. В начале течения болезни симптомы слабые, так сказать, предвестники настоящей угрозы. В определенный момент происходит критическое отравление, и человек погибает в считанные минуты. Загвоздка в том, что, для того чтобы возник эффект, подобный тому, что наблюдали мы, яд этот должен был быть введен не позднее, чем за пятнадцать минут до смерти больного. Если только этот новый вид отравляющего вещества не имеет отсроченного действия.

Соболев замолчал, глубоко задумавшись. Дэн не мешал ему, терпеливо ожидая продолжения. Очнувшись от своих дум, Соболев принялся извиняться:

– Простите, отвлекся. Так о чем я говорил?

– Вы сделали предположение, что яд, от которого в Дыбнинске умирают люди, имеет эффект отсроченного действия, – подсказал Дэн.

– Других вариантов я не вижу, – подтвердил свои слова Соболев. – И как помочь этим несчастным, тоже не знаю. Если бы они решились обратиться в клинику хоть немного раньше! Но в России это не принято. К сожалению, конечно.

– Что вы имеете в виду? – уточнил Дэн.

– То, что девять из десяти заболевших граждан, прежде чем прибегнуть к помощи врача, довольно длительный период либо занимаются самолечением, либо ждут, пока само рассосется. И только тогда, когда ни один из этих способов не срабатывает, они нехотя идут в больницу. Да и то не всегда, – покачал головой Соболев.

– Не расстраивайтесь так. Когда-нибудь ситуация обязательно изменится, и пациенты будут прибегать к помощи врачей при появлении первых признаков недомогания, – ободряюще произнес Дэн.

– Звучит оптимистично, но не правдоподобно, – улыбнулся врач. – Только погибшим это уже вряд ли поможет.

– Им нет, а тем, у кого болезнь не зашла еще так далеко, помочь в наших силах, – решительно проговорил Дэн, вставая.

Соболев тоже поднялся.

– Водитель «ЗИЛа», случайно, адрес не оставлял? – спросил Дэн.

– Обратитесь в регистратуру. Все данные по «летальным» главный велел фиксировать в отдельном журнале. Там должны быть контактные данные родственников или тех людей, кто доставлял больных в клинику. Надеюсь, я хоть чем-то был вам полезен, – прощаясь, сказал Соболев.

– А вот в этом можете не сомневаться.

Дэн пожал протянутую руку и поспешил к главному корпусу, на ходу доставая телефон. Услышав в трубке протяжное «да», он без всяких предисловий скомандовал:

– Нужна информация. Фосфорорганические отравляющие вещества. Когда, где, кем разрабатывались. Способы воздействия. Особенности симптомов отравления по каждому виду. Упор на новейшие разработки. Меня интересует все, в том числе слухи и домыслы. Переслать по форме КСХ.

Не дав собеседнику времени на ответ, Дэн отключился и тут же набрал новый номер. Из трубки полилась приятная музыка. Пела французская певица Мари Лафоре, больше известная в России как «Девушка с золотыми волосами». Дэн успел дослушать второй куплет, прежде чем на том конце взяли трубку.

– Санитара вызывали? – услышал он дежурное приветствие коллеги по Отделу.

Шутник и балагур в быту, все, что касалось рабочих обязанностей, Санитар выполнял со скрупулезностью ученого-исследователя. А обязанности эти были обширны и своеобразны. Он занимался анализом информации, поступающей в Отдел из других ведомств от людей, мягко сказать, неадекватных, выживая из кучи бреда здоровое зерно. То же самое проделывал и с заметками о всевозможных аномальных происшествиях, систематически появляющимися в отечественной и зарубежной желтой прессе, отмечая в сторону «журналистский мусор» и оставляя лишь то, что могло вызвать интерес федеральных служб.

– Куда ж мы без тебя! – Фразой, вошедшей в привычку, ответил Дэн. – Что ты слышал о «радужных» пациентах?

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – произнес Санитар. – Передо мной лежит экземпляр одной из провинциальных газет. Цитирую: «...Небывалая трагедия постигла город. Количество покойников, перед смертью меняющих цвет кожи, как хамелеоны, достигло ужасающих цифр...» Это то, что тебя интересует?

– Думаю, да. Существуют ли упоминания о подобных случаях в других изданиях и временных границах?

– Я только начал работу в этом направлении, так что придется тебе подождать. Но если аналогичная информация когда-либо проскальзывала в прессе, будь уверен, я ее непременно отыщу, – заверил Дэн Санитар.

– Не затягивай, Санитар. Похоже, дело серьезное, – поторопил Дэн, отключаясь.

Войдя в холл главного здания больницы, он нос к носу столкнулся с Машей. Она была одна, без сопровождающих.

– На ловца и зверь бежит, – весело произнес Дэн. – А я как раз тебя разыскивать шел.

– Я в морге была, – дрожащим голосом сообщила Маша. – Картина жуткая, доложу я тебе. Пятнадцать трупов, переливающихся всеми цветами радуги. Это прямо кощунство какое-то! Не представляю, что чувствуют родные погибших.

– Ого! Да ты, никак, реветь собралась, – озабоченно произнес Дэн.

В подобной ситуации ему оказываться еще не приходилось. Прошлый его напарник, Сегмент, был начисто лишен сентиментальности. Иногда Дэну казалось, что чувство сострадания тому вовсе не знакомо. Теперь же, столкнувшись с проявлением подобных чувств новым напарником, он слегка растерялся.

– С чего ты взял? Я в полном порядке, – отворачиваясь в сторону, проговорила Маша. – Просто никогда еще не приходилось видеть подобное.

– Привыкнешь, – неуверенно произнес Дэн и спросил: – Ты закончила?

– Почти. Осталось забрать кое-какие бумаги. Калабин обещал подготовить их для меня.

– Хорошо. Тогда бегом к нему, забираешь документы – и в машину. Мы уезжаем.

– Ты разве в морг не пойдешь? Насколько я помню, это ты хотел в первую очередь осмотреть трупы, – удивилась Маша.

– Планы изменились, покойники подождут. Сейчас важнее позаботиться о живых. Именно этим я и собираюсь заняться, – огорошил Дэн напарницу. – Жду тебя в машине.

Он оставил Машу у лифта, а сам поспешил к стойке регистратора добывать адрес дальнобойщика. Она же, недоумевая, что задумал напарник, поднялась на третий этаж. В знакомом пустом кабинете стол по-прежнему был завален бумагами, и Маша с любопытством принялась их изучать. Результаты лабораторных исследований, выписки из амбулаторных карт «летальных» пациентов, предварительные заключения врачей. Одно из подобных заключений особенно заинтересовало ее. Она поднесла его ближе к свету и стала перечитывать заново. В этот момент в коридоре послышались шаги. Маша поспешно сунула листок в сумочку и отошла от стола. Дверь открылась, на пороге появился главврач Калабин.

– Кто вас сюда впустил? – удивленно спросил он. – Разве мы не договаривались, что вы будете ждать меня в холле?

– Обстоятельства изменились. Мне необходимо срочно уезжать, поэтому я решила сэкономить время и забрать папку с бумагами лично. Кабинет был открыт, я постучалась и вошла, – невозмутимо пояснила Маша. – Документы готовы, Анатолий Борисович?

– Да, да, я все подготовил. Можете не возвращать, там только копии. О конфиденциальности информации напоминать, я думаю, не стоит?

– Это действительно лишнее, – улыбнулась Маша и, попрощавшись кивком головы, ушла.

Дэн уже завел двигатель и был готов ехать. Она заняла переднее сиденье и спросила:

– Куда едем, просветишь?

– По дороге расскажу, – пообещал Дэн, трогаясь.

Миновав пост дежурного, он выудил из кармана листок и ткнул пальцем в нижнюю строчку:

– Адрес видишь? Там живет женщина, которая привезла в инфекционную больницу первого «радужного» пациента. Мы едем к ней.

– Тебе не удалось пообщаться с врачом, который его принимал? – поинтересовалась Маша.

– Удалось, – коротко ответил Дэн.

– Тогда зачем тебе эта женщина?

– Хочу кое-что уточнить, – также немногословно пояснил Дэн.

– И это ты называешь объяснениями? – возмутилась Маша. – Если не считаешь нужным вводить меня в курс дела, зачем ждал? Отправлялся бы один, а я бы еще поработала в больнице.

– Не стоит заводиться. Я не знаю, зачем мне нужна эта женщина. Пока это только ощущения. Что-то, что витает в воздухе, вертится на языке, мелькает в голове, но не вырисовывается в четкую картинку, понимаешь? Нужен толчок! – Дэн резко махнул рукой, так, что Маша от неожиданности отшатнулась.

– Теперь понятно, – произнесла она, хотя на самом деле после объяснений Дэна цель визита яснее не стала.

– Что удалось узнать тебе? – сменил тему Дэн.

– Да практически ничего, – уныло сообщила Маша. – Диагноз неясен. Причины возникновения заболевания неизвестны. Мнения специалистов разделились, и вообще, что со всем этим делать, ума не приложу. Знаешь, что по этому поводу думает судмедэксперт?

– Ну и что же он думает?

– Что это новый вид наследственного заболевания, связанного с дефектами в функционировании митохондрий. Оно вызывается мутациями в определенных генах и приводит к нарушениям основных жизненных функций.

– Интересно, а каковы доводы?

– Да никаких доводов! Бред! У пятидесяти человек, не связанных между собой родством, в одночасье проявилось наследственное заболевание с идентичными симптомами. Даже если бы это и произошло, то что-то должно было спровоцировать болезнь, ведь так? – горячилась Маша.

– Ну, если мы пока не обнаружили провокатора, то это не значит, что его не существует, – задумчиво произнес Дэн. – Хотя мне эта версия тоже кажется притянутой за уши.

– Вот и я о том же, – успокаиваясь, пробурчала Маша.

– А хочешь знать, что думает Соболев? – спросил Дэн и тут же ответил: – Он считает, что в организм «радужных» был введен некий препарат, что-то типа новейших разработок из области нервно-паралитических отравляющих веществ. Только действие его начинается не сразу, а по прошествии определенного времени. Такая вот индивидуальная бомба замедленного действия.

– Что, так прямо и сказал? – переспросила Маша. – Кто-то в городе вводит людям смертельный препарат? Он думает, что над этими людьми тайно производились опыты?

– Ну, открытым текстом этого сказано не было, но на то мы и специальные агенты, чтобы читать между строк, – ответил Дэн.

– Мнение доктора Соболева еще более бредовое, чем мнение судмедэксперта. Теперь понятно, почему полковник Матюшин так нелестно отзывался о нем.

– Полковнику Матюшину по должности положено пресекать подобные выкладки, – спокойно возразил Дэн, – а вот нам с тобой, Мария, подобным заявлениям, напротив, следует уделять повышенное внимание. Лично мне кажется, определенная доля истины в его словах все же есть. Но не стоит забегать вперед. На данном этапе наша цель – это родственники пострадавших. А вот и улица Железнодорожная. Посмотри, какой номер дома нам нужен?

Машина въехала в частный сектор. «БМВ» Дэна неспешно продвигался между рядами одноэтажных строений. Маша заглянула в листок, на котором были отмечены адреса проживания «летальных»:

– Двадцать два. Это по твоей стороне, на моей нечетные.

– Ага, значит, нужно проехать вперед. Тот дом, что за зеленым забором, – шестьдесят восьмой.

– Надеюсь, мы застанем женщину дома, – вслух высказала Маша мысль, которая вертелась в голове Дэна.

– Должны застать! – с нажимом произнес он.

Дом номер двадцать два представлял собой деревянное строение, огороженное новым забором из листового железа. На улице свешивались ветки яблони, густо усеянные плодами. Перед забором заботливая рука хозяйки высадила цветник. Классические бархотки, петунии, ноготки. Над цветами в изобилии порхали бабочки, жужжали шмели. Атмосфера располагала к безмятежному времяпрепровождению.

Дэн припарковался на обочине, заглушил двигатель и, выйдя из автомобиля, осмотрел окрестности. Улица была пустынна. Насколько хватает глаз, не было видно ни одного человека. В приусадебных участках не возились старательные бабушки. Дворовые участки не оглашали крики непоседливой ребятни. Не гремели ведра, не стучали молотки. По дворам не носились бестолковые куры. Не было слышно ни мычания коров, ни петушиного крика. Лишь надоедливые мухи жужжали возле уха.

– Позволь полюбопытствовать, чего мы ждем? – нарушила тишину Маша.

Дэн внимательно взгляделся в лицо напарницы. Не найдя на нем признаков беспокойства, он спросил тихо, почти шепотом:

– Тебя ничто не настораживает?

– Нет. А что не так? – тоже переходя на шепот, спросила Маша.

– Тишина. Она какая-то неестественная, – пояснил Дэн. – Ты раньше бывала в подобных местах? Я имею в виду сельскую местность.

– Конечно, бывала. Только позволь тебе напомнить, что мы находимся в городе, – недоумевая, заметила она.

– Окраины маленьких городков не особо отличаются от деревни. По сути, это то же село, только территориально относится к черте города. Тот же быт, те же привычки. И те же звуки.

– Не понимаю, что тебе не нравится в местных звуках?

– То, что их нет! И это очень странно. Улица словно вымерла. Куда подевались местные жители? Неужели на всей улице не нашлось ни одного любителя свежего воздуха?

– В такую жару это неудивительно, – уверенно произнесла Маша. – Люди не хотят жариться на солнце и вдыхать раскаленный воздух. Они предпочитают прохладу тихих комнат и отдых вблизи водоемов, только и всего.

– Ну-ну, посмотрим! – протянул Дэн и вошел в калитку.

Глава 3

Пройдя по дорожке, выложенной тротуарной плиткой, агенты остановились на крыльце. Постучав в дверь и не получив ответа, Дэн взялся за ручку и потянул на себя. Дверь оказалась не заперта. Они переглянулись, вошли внутрь и оказались в небольшой, чисто вымытой кухне. Из нее в глубь дома вели три двери.

– Эй, есть кто-нибудь? – позвал Дэн.

На его призыв никто не ответил. Он сделал следующую попытку:

– Хозяйка, войти можно?

Та же звенящая тишина была им ответом.

– Быть может, ее и нет в доме? – произнесла Маша, опасливо поглядывая на напарника.

– Нет, она должна быть на месте, дверь ведь открыта. Если только в сарай или в коровник вышла, – предположил Дэн. – Но тогда она должна скоро вернуться. Не нравится мне эта тишина, надо в комнатах посмотреть.

– Давай лучше подождем, – попыталась остановить его Маша. – Неудобно получится, если хозяйка вернется, а мы по комнатам шастаем.

Не обращая внимания на ее слова, Дэн открыл первую дверь и заглянул внутрь. Это была гостиная или что-то в этом роде. Старенький диван, накрытый узорчатым пледом, обеденный стол в центре комнаты, в углу тумбочка, на ней телевизор с плоским экраном. Дэн подошел к следующей двери. Маша схватила его за руку, притянула к себе и зашептала в самое ухо:

– Послушай, а вдруг она тоже умерла? Вдруг это заболевание передается бытовым путем?

– Вряд ли. Если бы это было так, количество «летальных» возросло бы в несколько десятков раз. До сих пор не было зафиксировано ни одного случая проявления болезни сразу у нескольких членов одной семьи, ведь так? – попытался успокоить ее Дэн.

– Так-то оно так, но вот что я тебе скажу: этиология заболевания не установлена, а мне неизвестно, удосужились ли местные эскулапы провести обследование родственников на предмет патологических изменений в организме.

– То есть как это «не обследовали»? – опешил Дэн. – Выходит, люди, контактировавшие с больным смертельным недугом человеком, не прошли никакого обследования? Чего же ты молчала?

– Я не сказала, что обследование не было проведено. Из-за твоей спешки я просто не успела досконально изучить документы, которые предоставил мне главврач. Это ведь тебе приспичило ехать к жене «летального» немедленно!

– Ладно, разберемся. Сейчас на это нет времени, – заявил Дэн, открывая дверь. – Думаю, в штабе об этом наверняка...

Он не договорил. Взгляд его остановился на чем-то, что находилось в комнате. Маша приподнялась на носки, пытаясь разглядеть поверх плеча напарника то, что привлекло его внимание. Взору ее предстал обычный сельский интерьер. Старинный трехстворчатый шкаф, ковровая дорожка на полу, кресло с деревянными подлокотниками, обтянутое зеленым сукном. В дальнем углу комнаты стояла панцирная кровать с металлическими шариками на боковых спинках. На кровати лежала женщина в строгом синем костюме и белой блузке. Глаза ее были закрыты. На таком расстоянии невозможно было понять, дышит ли она.

– Дэн, она жива? – шепотом спросила Маша.

Он утвердительно кивнул головой и постучал в открытую дверь. Женщина никак не отреагировала.

– Простите, мы ищем Татьяну Алексеевну Вострикову, это вы? – кашлянув, громко спросил Дэн.

Женщина едва заметно пошевелилась, но глаза не открыла. Он переступил через порог, направился к кровати и, остановившись в центре комнаты, снова спросил:

– Татьяна Алексеевна, мы можем поговорить? – Ответа не последовало, и Дэн продолжил: – Послушайте, я сотрудник Федеральной службы безопасности, нам необходима ваша помощь. Мы пытаемся выяснить причину смерти вашего мужа. Пожалуйста, ответьте мне всего на несколько вопросов, и я уйду.

Женщина открыла глаза и безучастно посмотрела на него. От ее взгляда у Маши мурашки побежали по спине. Это был взгляд затравленного, смертельно раненного животного, которое не понимает, что с ним произошло.

– Как вы себя чувствуете? Быть может, вам нужна медицинская помощь? – вступила она в разговор, выйдя из-за спины напарника.

– Как я себя чувствую? – подала голос женщина. – Вы спрашиваете, как я себя чувствую? Как может чувствовать себя человек, у которого вырезали сердце? Я потеряла единственного близкого человека только потому, что врачи не смогли вовремя оказать ему помощь. И после этого вы предлагаете, чтобы они помогли мне? Чем теперь они могут мне помочь?

Женщина говорила медленно, без эмоций, лишь в последней фразе сделав некое подобие ударения на слове «теперь».

– Я принесу вам воды, – произнесла Маша и скрылась за дверь.

Дэн поискал глазами, куда можно присесть. Не найдя ничего, кроме кресла, стоящего у противоположной стены, он уверенным шагом прошел туда, придвинул его к кровати и, усевшись, спросил:

– Татьяна Алексеевна, вы помните, как все началось у вашего мужа? Я имею в виду, когда произошло ухудшение самочувствия.

– Я не стану обсуждать это с вами. Убирайтесь, откуда пришли, – безжизненным голосом произнесла женщина.

– Я не могу уйти, – просто ответил Дэн. – Рад бы, да не могу. От нашего разговора, быть может, зависят жизни других людей, которые также являются чьими-то родственниками. Сестрами, братьями, мужьями, детьми. Сегодня на моих глазах умер мужчина. От того же недуга, что и ваш муж. У него осталась дочь, Арина. Так же, как и в вашем случае, он был единственным ее родственником. Девочка осталась сиротой, понимаете? И если в ближайшее время мы не выясним, что провоцирует болезнь, ситуация может повториться. Как видите, я не имею права позволить себе убраться.

Пока Дэн произносил свою речь, вернулась Маша, неся в руках граненый стакан, наполовину наполненный водой. Обойдя кресло, она приблизилась к женщине и, наклонившись, приложила край к ее губам:

– Попробуйте попить, вам сразу станет легче.

– Вы врач? – перевела на нее взгляд женщина.

– Меня зовут Маша. Я – федеральный агент, – представилась Маша и неожиданно для самой себя спросила: – Когда вы в последний раз ели?

– Не помню, наверное, давно, – ответила женщина. – Я не хочу есть. Я ничего не хочу.

– Я приготовлю вам что-нибудь перекусить, – не терпящим возражений тоном произнесла Маша. – Выпейте это.

Ловким движением, выдающим имеющийся опыт в области ухода за лежачими больными, она приподняла подушку, на которой покоилась голова женщины, и наклонила стакан так, чтобы та смогла пить лежа. Женщина сделала два неуверенных глотка и откинулась на подушку. Даже такое нехитрое действие далось ей с трудом.

– Дэн, она крайне истощена. Ей нужна квалифицированная медицинская помощь, – повернувшись к Дэну, сказала Маша. – Скорее всего со времени смерти мужа она ничего не

ела и не пила. Срок, конечно, небольшой, но посмотри на нее. Она же весит не больше пятидесяти килограммов!

– Врачи не понадобятся, просто дайте мне еще воды, – попросила женщина, услышав слова Маши. – Наверное, со стороны я выгляжу глупо? Так и есть. Мне надо было подумать о том, что, если со мной что-то случится, Ванечку некому будет даже похоронить. А я об этом и не вспомнила. Лежала тут, жалела себя, мечтала о смерти.

– Не думайте сейчас об этом, – попросила Маша. – Вам надо беречь силы. И, если вы не возражаете, я все-таки приготовлю вам поесть.

– Спасибо, милая. Вы очень добры, – благодарно улыбнулась женщина и, обращаясь к Дэну, добавила: – Повезло вам с девушкой, молодой человек. Берегите ее, таких людей немного осталось в нашем жестоком мире. Сейчас по большей части встречаются люди с черствым сердцем.

– Вы правы, Татьяна Алексеевна, с девушкой мне несказанно повезло.

– Пойду посмотрю, что есть в холодильнике, – смущенно пробормотала Маша и поспешно покинула комнату.

– О чем вы хотели поговорить? – спросила женщина.

– Вы помните, когда ваш муж почувствовал первые признаки недомогания? – повторил вопрос Дэн.

– Да, конечно. Разве такое забудешь! – Она приподнялась повыше, чтобы было удобнее говорить. – Ванечка пришел с работы, как обычно. Было что-то около шести часов вечера.

– Кем работал ваш муж?

– Он – путевой обходчик. Рабочий день заканчивается в пять. Но бывает, что муж задерживается. Когда пришел, сразу попросил попить чего-нибудь холоденького. Я принесла ему компот из холодильника. Муж любит вишневый компот. Чтобы льдинки в нем плавали. Так я заранее, за час до его прихода, бутылку в морозильную камеру ставлю. Полностью замерзнуть не успевают, а льдинки образуются, как раз так, как он любит.

«Интересно, осознает ли она, что говорит о муже в настоящем времени. Видно, еще не свыклась с мыслью, что его больше нет», – сочувственно подумал Дэн. А женщина продолжала:

– Ванечка был какой-то подавленный, уставший. Я еще удивилась, первый рабочий день после выходных, а он уже измочаленный. Спросила его. Он ответил, что неважно себя чувствует весь день. Сели ужинать, Ванечка ел без аппетита. Обычно он мою стряпню нахваливает, добавки просит, а в этот раз даже от заливного отказался. Не лезет, говорит. Я забеспокоилась, не заболел ли? Лоб потрогала, а он огненный. Заставила его температуру померить. Термометр показал тридцать восемь и три. Я в аптечке жаропонижающее нашла, дала ему выпить и спать уложила. Нечего, говорю, в телевизор пялиться. Отлежишься, к утру легче станет. Он лег без возражений и сразу уснул. А ночью, часа в три, разбудил меня, попросил еще таблетку дать. Температура, говорит, не снижается. Градусник мне показывает, а там уже тридцать девять. Я предложила «Скорую» вызвать, он отказался. До утра, говорит, подождем, видно будет. Заснуть я уже не смогла. Пролежала с открытыми глазами до шести. Потом решила время зря не тратить, включила компьютер, стала про болезни разные читать. Хотела определить, насколько все серьезно. Ванечка дремал, ворочался с боку на бок, даже стонал негромко. В семь позвонила его начальнику, сказала, что Ваня заболел, на работу не выйдет. Тот еще поворчал: «Кем заменять его прикажешь?» Но я объяснила ситуацию, и он вроде как успокоился. Потом я пошла в курятник. Скотины мы не держим, а курочки водятся. Там я минут двадцать пробыла. Вернулась, а Вани в комнате нет. Позвала его, он не отзывается. Я всполошилась: куда, думаю, пропал? Неужто на работу ушел? Потом смотрю, одежда на месте, обувь тоже. Еще больше забеспокоилась. Стала искать везде. Нашла в чулане. Он на полу сидел, дрожал весь от озноба. Я принялась его уговаривать, чтобы он в постель вернулся, а он не соглашается, мне, говорит, здесь полегче, в комнате слишком светло. Ну, я пошла, отыскала ста-

рую ткань портьерную. Она толстая такая, добротная, еще от бабки осталась. Окна в комнате занавесила, тогда Ванечка согласился прилечь. Время уже к восьми подходило. Я снова стала уговаривать его вызвать врача, а он говорит: «Еще немного подождем, не люблю я по больницам мотаться. Залечат до смерти». Даже успокаивал меня, мол, это обычная ангина, на жаре холодного хлебнул, вот и прихватило. Когда в постель вернулся, я, честно признаться, немного успокоилась. Полежит, думаю, оклемается. Но участкового врача все же вызвала. Лист-то больничный надо оформлять. В регистратуре сказали, что врач придет после трех. Ванечка уснул, а я домашними делами занялась. В огороде покопалась, пока не так жарко было. Потом в доме прибралась. Ближе к десяти часам решила еще раз температуру мужу померить. Как на градусник взглянула, чуть в обморок не упала от страха. Ртутный столбик полез за сорок! Тут уж я не выдержала. Давай на мужа кричать, велела собираться. Он отнекивался, но одеть себя позволил. Сам не мог, слабость большая была. До порога еле-еле дошел. Я дверь открыла, а он вдруг вырвался и обратно в дом побежал. Прямо побежал, представляете? Только что шагу ступить не мог, а тут побежал. Еще час ушел на уговоры. Он даже плакал, говорил, боль такая, что терпеть невозможно. Я тогда машину к самому порогу подогнала, заднюю дверь открыла и насильно его туда запихнула. Знали бы вы, чего мне это стоило! На мужа больно было смотреть! А деваться некуда. Повезла его сразу в инфекционную. Я ведь как рассуждала: там и врачи получше, и аппаратура поновее. Только все напрасно оказалось. Не спасли моего Ванечку врачи.

Женщина замолчала, крупные слезы катились по ее щекам. Дэн протянул стакан с остатками воды и спросил:

– Может быть, у вас в аптечке что-то из успокоительных средств имеется? Я могу посмотреть, если вы не против.

– Не надо. Я сейчас успокоюсь. Рассказывать недолго осталось, – отказалась она.

– Остальное я знаю. Кое-что охранник сообщил, кое-что врач. Теперь будет лучше, если вы на мои вопросы ответите. Как думаете, хватит сил?

– Задавайте свои вопросы, – устало произнесла женщина.

– Вы заметили, что у мужа изменился цвет глаз?

– Это уже пока в машине ехали, произошло. Дома с глазами было все в порядке.

– Вы в этом уверены? – переспросил Дэн.

– Абсолютно уверена. Мы полдороги проехали, я в зеркало заднего вида взглянула, Ванечка на меня смотрел. Вот тогда белки глаз цвет и стали менять. Сначала покраснели, а потом фиолетовым цветом залились. Но к тому времени я уже ничему не удивлялась.

– Почему?

– Да потому что поняла, что не простуда это никакая, не ангина, а что-то гораздо серьезнее. И еще поняла, что опоздали мы с обращением к врачу. Серьезно опоздали.

– Какие еще новые симптомы появились в пути?

– Трясло его, как в лихорадке, но, думаю, это от температуры. А больше ничего.

– Он что-то говорил по дороге? Может быть, состояние свое описывал? Например, что головная боль сильная или кости ломит.

– На глаза жаловался. Щипало сильно. Он почти всю дорогу ехал, прикрыв веки. А, вот еще что вспомнила! – воскликнула женщина. – Когда я его в машину сажала, он что-то про ноги говорил. Точно не помню, у меня тогда голова была занята только тем, чтобы усадить его успеть, пока он снова в дом не рванул. Кажется, он говорил: или «ног не чувствую», или «ноги горят», что-то в этом роде. Как думаете, это важно?

– Не знаю. Но мы обязательно проверим, что с его ногами произошло, – пообещал Дэн. – Татьяна Алексеевна, охранник говорил, что муж ваш сам передвигаться не мог, а когда санитаров увидел, то побежал от них, это так?

– Не думаю, что он мог хоть что-то видеть, – возразила она. – Пока мы его по двору вели, он в полубессознательном состоянии был. Мне кажется, он и не понимал вовсе, где находится, а когда ближе к приемному покою подошли, вот тогда и попытался убежать, но из-за санитаров ли, или другая причина была, сказать не могу. Мне показалось, что ему привиделось что-то.

– Почему вы так решили?

– Слишком внезапно это произошло. Шли мы медленно. Он какой-то чересчур тяжелый стал, вдвоем с охранником еле тащили. Я все время в землю глядела, боялась оступиться. Да еще жара эта. Пока по тенечку шли, еще терпимо, а как на солнце вышли, так с меня пот градом потек. А потом Ванечка вырвался, и начался весь этот ужас.

Женщина закрыла лицо руками, будто пыталась таким образом отгородиться от воспоминаний, и зарыдала. Дэн не сделал попытки успокоить ее, давая возможность выплеснуть накопившиеся эмоции. С подносом в руках вошла Маша. Она внимательно посмотрела на женщину, перевела взгляд на напарника, укоризненно покачала головой, но ничего не сказала. Вместо этого сунула ему в руки поднос, прошла на кухню и вернулась оттуда, неся табурет. Поставив его у изголовья кровати, пристроила поднос так, чтобы женщина могла самостоятельно дотянуться до тарелок, и требовательно проговорила:

– На сегодня воспоминаний достаточно. Татьяна Алексеевна, вам нужно подкрепиться, а потом попытаться поспать.

Рыдания постепенно стихли, женщина открыла глаза и вопросительно взглянула на Дэна, точно испрашивая разрешения приступить к приему пищи.

– Еще только один вопрос, – произнес тот. – Скажите, на вашей улице всегда так пустынно?

– И вы заметили? – покачала головой Татьяна Алексеевна. – Да попрытались все. Как про Ванечку моего услышали, так и попрытались.

– Куда? Зачем? Отчего? – наперебой стали допытываться агенты.

– Соседи думают, что Ванечка на работе заразу подцепил. Решили, раз с железной дорогой связан, значит, чуть ли не каждый день с неграми да с азиатами общается, а у тех на родине каких только болячек нет. Теперь на улицу боятся выходить. Думают, что инфекция эта по воздуху передается, и ждут, не помру ли и я следом за Ванечкой. Я вот тоже ждала, да напрасно, видно, еще пожить придется. – Немного помолчав, она стала выпроваживать непрошенных гостей. – Устала я от разговоров. Вы идите, за меня не беспокойтесь. Теперь уж оклемаюсь.

– Спасибо за помощь, Татьяна Алексеевна, – поблагодарила женщину Маша.

– За что ж спасибо, я и не сделала ничего. А вы, если необходимость появится, обращайтесь.

– Непременно воспользуемся вашим предложением, – пообещал Дэн, и агенты, попрощавшись, вышли на крыльцо.

– Куда теперь? – поинтересовалась Маша.

– Нужно посетить еще одного очевидца, и на этом, пожалуй, остановимся, – ответил Дэн. – В целом картина и так ясна, но лишний раз убедиться в своей правоте в нашем деле не помешает.

– Интересно, что для тебя прояснилось благодаря разговору с несчастной вдовой? Видимо, все самое важное я пропустила, – посетовала Маша.

– Значит, следующий визит тем более необходим, – подытожил Дэн, сбегая с крыльца. – Догоняй, нам еще к соседям заглянуть надо успеть.

Маша двинулась вслед за Дэном. Тот пересек проезжую часть и остановился у калитки напротив. Она оказалась закрытой. Сколько Дэн ни стучал, сколько ни кричал, соседи не отозвались. Тогда он перешел к следующему дому. Процедура со стуком и криком повторилась. И снова на призывы Дэна никто не отозвался.

– Вероятно, все на работе, – предположила Маша.

– Дома они, просто открывать боятся. Наверняка видели, что мы от Востриковых вышли, следовательно, могли заразиться. Да, не слабо их Ванечка напугал, – покачал головой Дэн.

– Почему ты решил, что в доме кто-то есть?

– Видел, как в крайнем окне занавеска шевелилась, только и всего, – признался он. – Ладно, пойдем другим путем. – И с этими словами вернулся на ту сторону улицы, на которой стоял дом Востриковых, прошел вдоль дороги, свернул к низенькому забору и снова постучал. На этот раз и Маша заметила движение занавески в узком окошке, но входную дверь открывать не спешили. Тогда Дэн перемахнул через забор и решительным шагом направился к крыльцу. В окне показалось лицо хозяйки. Приоткрыв форточку, она крикнула:

– Покупать ничего не буду, уходите!

– Я ничего не продаю. Мне бы водички, хозяйка, хоть с полведра, – обратился к ней Дэн.

– Нет у меня ведра. Шли бы вы подобру-поздорову! – снова крикнула женщина.

– Да я верну, – заверил ее Дэн и начал пространно объяснять: – У нас машина заглохла. Радиатор закипел, теперь пока не охладим, с места не сдвинемся. Выручите, я в долгу не останусь!

Говоря это, Дэн полез в нагрудный карман, делая вид, что собирается достать бумажник. Женщина продолжала подозрительно смотреть на него, но даже Маше было видно, что недоверие ее тает на глазах.

– Уберите свои деньги. Сразу видно, что не местный. В провинциальных городах не принято за добрые дела деньги брать. Тут вам не Америка, – произнесла женщина. – Где машина-то? У калитки не видать.

– А вы и не увидите, – подтвердил Дэн. – Она далеко стоит, просто поблизости отзывчивых людей не нашлось. Я пять домов обошел, и ни в одном помочь не захотели. Даже разговаривать не стали. Попрятались за заборами и носа не кажут, будто я зачумленный!

– Вы на них не сердитесь, – сочувственно проговорила женщина, – у нас тут и впрямь как во время чумы, если не хуже. Я вот тоже к вам выходить не собираюсь. Ведро дам, где воду взять укажу, а насчет гостеприимства, уж не обессудьте, как-нибудь без него обойтись придется.

– Послушайте, вы меня пугаете! – продолжал спектакль Дэн. – Что в вашем городе происходит? Это опасно?

– Да не верещите вы, как школьница при виде мыши! Может, еще и нет ничего опасного, а люди просто перестраховываются.

– От чего перестраховываются? – продолжал допытываться Дэн.

– Тут у нас неподалеку мужик один помер от неизвестной заразы. Смерть страшная! Врагу такой не пожелаешь. А что за болезнь того мужика в могилу свела, врачам определить не удалось. Это вчера было, а сегодня с параллельной улицы бабы прибежали, машину на ходу искали, родственника в больницу везти. Так вот у того мужика признаки болезни точь-в-точь как у нашего соседа. А живут они, можно сказать, забор в забор! Между домами ручей протекает в полметра шириной, вот и вся преграда.

– Это что же, он от соседа заразился? – напрягся Дэн.

– А вы как думаете? Два мужика за сутки, с температурой под сорок и другими побочными эффектами. Тот, второй, тоже помер уж наверняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.